



О Л Д О С

ХАКСЛИ

МОНАШКА К ЗАВТРАКУ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Олдос Хаксли

Монашка к завтраку

«Издательство АСТ»

1920, 1922

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хаксли О. Л.

Монашка к завтраку / О. Л. Хаксли — «Издательство АСТ»,
1920, 1922

ISBN 978-5-17-117031-8

Олдос Хаксли – не только автор легендарных романов «О дивный новый мир», «Остров», «Слепец в Газе» и многих других, но и признанный мастер классической английской новеллы, стоящий в одном ряду с такими новеллистами, как Сомерсет Моэм, Джером К. Джером, Ивлин Во... В эту книгу вошли авторские сборники рассказов 1920-х годов – «Лимбо» и «Мирская суета». В них нашли отражение все самые яркие черты английской новеллистики: ирония и юмор, лаконичность, разнообразие форм повествования, парадоксальность сюжета и, конечно, неожиданная концовка. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117031-8

© Хаксли О. Л., 1920, 1922
© Издательство АСТ, 1920, 1922

Содержание

Лимбо	6
Фарсовая история Ричарда Гринау	6
И не было с тех пор конца их счастью	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олдос Хаксли
Монашка к завтраку
Сборник

Aldous Huxley
Collected Short Stories

© Aldous Huxley, 1920, 1922

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Лимбо

Фарсовая история Ричарда Гринау

1

I

На седьмой день рождения Миллисента получила роскошный подарок – кукольный домик. *«Дорогой малышке Милл с любовью от тетушки Лу»*. Тетушка Лу была невероятно богата, и кукольный домик выглядел почти так же помпезно и монументально, как она сама.

В домике имелось четыре комнаты – каждая оклеена обоями особого цвета в соответствии с ее назначением. На верхнем этаже стояли кровати, платяные шкафы и умывальники. Внизу – кресла в окружении искусственных растений. *«Со всеми удобствами, шикарные интерьеры»*. На обеденном столе красовалось блюдо с холодной закуской: двумя алыми лобстерами и несколькими кусочками ветчины с аппетитным бело-розовым срезом. Всего и не перескажешь – изумительный кукольный домик. Во всяком случае, так считал Дик, брат Миллисенты. Целыми днями он открывал и закрывал входную дверь домика, заглядывал в окна, переставлял мебель.

Что касается Миллисенты, щедрый подарок оставил ее совершенно равнодушной. Девочка мечтала (и более того, целый месяц пылко молилась перед сном), чтобы тетушка Лу подарила ей на день рождения детскую швейную машинку (но только такую, на которой можно по-настоящему шить). Каково же было разочарование Миллисенты, когда вместо швейной машинки тетушка вручила ей кукольный домик! Впрочем, девочка приняла этот удар судьбы с достоинством и держалась с тетушкой Лу безукоризненно вежливо. Миллисента так и не подошла к кукольному домику – он ее просто не интересовал.

Дик уже учился в начальной школе. Мистер Киллигрю, директор школы, заметил, что мальчик подает определенные надежды. *«Отличается довольно хорошими способностями к математике, – писал директор в своем отчете. – С этого семестра начал изучать курс алгебры и проявляет довольно хорошие...»* («довольно хорошие» вычеркнуто. Ох, уж этот скудный язык отчетов!) *необычайную склонность к предмету*». Мистер Киллигрю не знал, что помимо алгебры его ученика очень интересовали куклы. Если бы директору стало об этом известно, он бы высмеял Дика столь же презрительно и почти в тех же выражениях, что и одноклассники мальчика. По овцам и пастырь: увы, подчас наставники уподобляются своим подопечным.

Безусловно, Дик и помыслить не мог о том, чтобы рассказать одноклассникам о своем тайном увлечении. Даже дома мальчик прилагал все усилия, чтобы никто не догадывался о его слабости. Если Дика все же заставляли в комнате, где стоял кукольный домик, он тотчас напускал на себя самый непринужденный вид и, сунув руки в карманы, удалялся, насвистывая под нос песенку: *«Есть славная земля, но путь туда неблизкий. Там семь раз в день едят то яйца, то сосиски»*. Всем своим видом Дик показывал, что заскочил сюда буквально на минутку – пнуть дурацкую штуковину.

Когда он не играл с кукольным домиком, то проводил время за книгой. Читал много, взахлеб. Дика не останавливали ни объем, ни сложность произведений: в восемь лет он осилил

¹ © Перевод. О. Акопян, 2019.

роман «Роберт Элсмер»² в трехтомном издании. А если Дик не читал, то обыкновенно сидел на диване и размышлял обо всем вообще и ни о чем в частности. Или, как укоризненно говорила Миллисента, «болтался без дела».

В отличие от брата, Миллисента никогда не сидела сложа руки: она занималась прополкой в саду, рыхлила землю или собирала фрукты (съедая при этом не более дозволенного количества: одну из двадцати ягод малины или одну из сорока слив); помогала Кейт на кухне; слушая, как мама читает вслух, вязала по вечерам шарфы для несчастных созданий, именуемых «убогими», о которых имела весьма туманное представление. Миллисента не одобряла безделье Дика, но он тем не менее продолжал бездельничать.

К двенадцати с половиной годам Дик достаточно продвинулся в области математики, истории и мертвых языков, чтобы прийти к выводу: его дорогие родители абсолютно невежественны и бескультурны. Зато, к большей радости дорогих родителей, глубокие знания Дика позволили ему выиграть стипендию для обучения в одной из лучших частных школ – колледже Эзопа.

Будь это рассказ о школе, я бы упомянул, что во время обучения Дик врал, ругался, святотатствовал, повторял за другими непристойности, читал в журнале «Джон Булл» статьи о борделях, замаскированных под дома престарелых, и о сластолюбцах, выдающих себя за священников. Я бы отметил, что подавляющее большинство своих преподавателей Дик считал глупыми и даже злыми людьми. И так далее. Все это, конечно, соответствовало бы истине, однако увело бы читателя в сторону. Ведь перед вами не одно из заурадных повествований об умных молодых людях, которые в школе открывают для себя атеизм и искусство, в университете – социализм, а получив степень бакалавра гуманитарных наук и пройдя неизбежную стадию ознакомления с сексом и сифилисом, к двадцати пяти годам превращаются в блестящих писателей. Поэтому позволю себе опустить незначительные подробности, объяснимые издержками пубертатного периода, и освещу лишь те пункты, которые помогут сформировать представление о будущей профессиональной деятельности нашего героя.

Кто действительно ищет знаний, тот (невероятно, но факт!) находит их в колледже Эзопа. И Дик весьма в этом преуспел. С первых же дней он стал любимцем преподавателя математики мистера Скъюболда, очень талантливого специалиста в своей области, который, однако, отличался редкой неорганизованностью и упускал из виду отличную возможность заработать, давая частные уроки одаренному ученику. Дом мистера Скъюболда был самым неопрятным в колледже. Дик называл обитель преподавателя математики смесью трущоб и приюта для умственно отсталых. Вычитав у сэра Томаса Брауна³ о распространенном заблуждении, будто от евреев исходит неприятный запах, мальчик написал в школьный журнал заметку, где назвал автора шарлатаном и обманщиком. Заявления сэра Томаса Брауна явно расходились с тем, что Дик ежедневно видел в доме мистера Скъюболда.

Может показаться удивительным, что Дик вообще читал работы Брауна. На самом деле интересы мальчика не ограничивались математикой. Колледж Эзопа предоставлял ученикам массу свободного времени, и Дик был одним из тех, кто умел правильно распорядиться столь щедрым подарком. Он с огромным интересом читал самые разнообразные книги по истории, литературе и естествознанию как на родном, так и на нескольких иностранных языках. Дик проявлял исключительные умственные способности.

«Гринау – интеллеktуал, – надменно заключил мистер Копторн-Слезинджер. – К несчастью, со мной в доме проживает пара-тройка таких же. Его друзья. На мой взгляд, Гринау дурно

² «Роберт Элсмер» – известный роман английской писательницы, журналистки и общественного деятеля Мэри Августы Уорд (1851–1920). В произведении затрагиваются серьезные теологические вопросы. Мэри Уорд была племянницей известного писателя Мэтью Арнольда и тетей Олдоса Хаксли. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

³ Сэр Томас Браун (1605–1682) – британский медик и литератор, автор работ на оккультно-религиозные и естественнонаучные темы.

влияет на учеников». Мистер Копторн-Слезинджер считал себя идеальным примером высказывания *«mens sana in corpore sano»*⁴ – истинным духом английского джентльмена, заключенным в тело греческого бога. Правда, с коротковатыми ногами и выступающей вперед нижней губой, придающей лицу мистера Копторн-Слезинджера сходство с лососем.

Дик и вправду собрал вокруг себя компанию единомышленников. В этот круг входили: Партингтон, будущий историк; Гай, прочитавший всю классику Золотого века и страстно увлеченный изучением средневековой латыни; Флеттон, человек выдающегося ума, который довел искусство ничегонеделания до невероятных высот, коих еще не достигал никто из учащихся колледжа Эзопа. Четверка закадычных друзей представляла собой довольно любопытное зрелище – Дик, маленький, темноволосый и нервный, Партингтон, сплошная округлость (с круглыми, как две луны, очками на круглом же лице), Гай с деревянной старческой походкой и Флеттон, копия диккенсовского мистера Джингля⁵, такой же тощий и длинный, со смешной гримасой на лице. «Шайка уродливых бездельников», – цедил сквозь зубы при виде ребят мистер Копторн-Слезинджер, уверенный в своем божественном великолепии.

В компании верных друзей Дик мог бы чувствовать себя абсолютно счастливым. (По большей части так и было.) Интеллектуально дополняя друг друга, ребята с успехом обсуждали любые вопросы. В ходе этих бесед они в непринужденной форме еще больше расширяли свой кругозор. И все же временами Дик чувствовал странную тоску. Ему чего-то не хватало в общении с друзьями. Но чего именно? Тоска, словно скрытый недуг, отравляла жизнь. Причиной бурного проявления загадочных симптомов стал лорд Фрэнсис Кварлс.

Фрэнсис Кварлс обладал потрясающей внешностью: широкий, как у быка, лоб, обрамленный выющимися локонами, достойное античной статуи тело. Чего стоила его манера взирать на окружающий мир сквозь полуопущенные веки, эта сонная надменность! Он в действительности представлял собой то, чем мнил себя мистер Копторн-Слезинджер, и разделял неприязнь последнего к Дику и его друзьям. «Трусливые безбожники», – презрительно называл их Кварлс. Он всегда грудью вставал на защиту Бога, Веры и Англиканской церкви – неотъемлемых атрибутов аристократии. Кварлсы считали Господа чуть ли не членом семьи, и недостаток веры воспринимался ими как личное оскорбление.

Дику исполнилось шестнадцать. Шла середина летнего семестра. Стоял один из замечательных дней, когда на небе ни облачка и яркий солнечный свет особенно безжалостен к старинным зданиям. Их почтенный возраст и тихая грусть являли разительный контраст с буйством летней природы. Ученики колледжа Эзопа беззаботно веселились в тени овеянных столетиями камней. «*О будущей не мысля части, играют резво меж собой*»⁶, – нельзя не вспомнить замечательные строки Грея.

Дик бесцельно прогуливался по квадратному двору, образованному стенами зданий, и невольно любовался окружающей красотой – смотрел на золотисто-серую часовню с резкими геометрическими тенями, черневшими между контрфорсами, разглядывал великолепные сооружения из розового кирпича, выстроенные в тюдоровском стиле⁷. На крышах в ярких солнечных лучах блестели флюгеры, где-то с шумом вспархивали голуби. На Дика с новой силой напала тоска, и сегодня, на фоне всей этой благодати, ему было особенно тяжело.

Неожиданно из темной пасти туннеля, в конце которого скрывалась маленькая дверь (одна из двух, расположенных по краям жилого корпуса), на свет вышел человек. Это был Фрэнсис Кварлс, облаченный в белую фланель и солнечное сияние. Он возник перед глазами

⁴ *Mens sana in corpore sano* – в здоровом теле здоровый дух (*лат.*)

⁵ Альфред Джингл – персонаж произведения Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

⁶ «О будущей не мысля части, играют резво меж собой» – строки из «Оды на отдаленный вид Итонской коллегии» Томаса Грея (1716–1771), английского поэта-сентименталиста, пер. П. Голенищева-Кутузова.

⁷ Тюдоровский стиль – архитектурный стиль английской поздней готики, эпохи правления династии Тюдоров (1485–1604 гг.)

Дика, словно откровение, – яркий, красивый, стремительный. У Дика перехватило дыхание, сердце екнуло, желудок сжался, слегка закружилась голова. Гринау влюбился.

Фрэнсис прошел мимо, даже не обернувшись. Он шагал с гордо поднятой головой, сонно глядя из-под полуопущенных век. Фрэнсис удалился, и для Дика померк солнечный свет, любимый квадратный двор превратился в тюремный «колодец», а голуби – в отвратительных поедателей мертвечины. Позади раздалась приветственные возгласы Партингтона и Гая, но Дик молча ушел прочь. Господи! Как же он ненавидел этих ребят, их желтые, некрасивые лица, их жалкую, глупую болтовню!

Несколько недель после происшествия во дворе с Диком творились странные вещи – впервые в жизни он взялся писать стихи. Один из сонетов начинался так:

Что это – явь или странный сон?
С холмов Аркадии красавец Аполлон
Спустился, дабы в песнях соловья
Найти (дальше Дик колебался) для своей лиры вдохновенье
(или) божественному слуху наслажденье
И отдохнуть у струй английского ручья.

Он снова и снова повторял про себя фразы «с холмов Аркадии» и «божественному слуху наслажденье» и после долгих размышлений решил оставить первый вариант «для своей лиры вдохновенье» – он более гладко и мелодично ложился в строку. Какой замечательный вышел сонет! Почти, как у Китса⁸. Нет, даже лучше – ведь Дик сочинил эти строки сам!

Дик избегал общества Гая, Флеттона и Партингтона. Прежние друзья стали ему отвратительны. Их разговоры (в те редкие моменты, когда Дик заставлял себя вслушиваться) казались лишены смысла. Он часами просиживал один в своей комнате. Задачи по математике, которые Дик с легкостью решал до судьбоносной встречи с Кварлсом, оставались нетронутыми: он перестал их понимать. Вместо этого зачитывался романами и поэзией миссис Браунинг⁹, а в перерывах писал собственные полные неистового восторга стихи.

После изнурительной борьбы со своей трусостью Дик наконец отважился послать Фрэнсису Кварлсу записку с приглашением на чай. Когда последовал довольно сухой отказ, Дик разразился слезами. Последний раз он так сильно плакал в глубоком детстве. Дик неожиданно стал очень религиозен. Отныне он каждый вечер целый час, стоя на коленях, молился. Молился яростно, иступленно. Умерщвлял плоть строгим постом и бдениями. В своем религиозном порыве он дошел аж до самобичевания – по крайней мере пытался. (Ведь невозможно как следует отхлестать себя прутком в крошечной комнате, битком набитой антикварными безделушками, без риска что-нибудь расколотить!) Дик чуть ли не половину ночи проводил, стоя посреди комнаты нагишом в самых невероятных позах и пытаясь причинить себе боль. Затем, когда печальная процедура самоистязания завершалась, он вывешивался из окна, прислушиваясь к тихим звукам июльской ночи и с упоением выпитывая ее теплую бархатную черноту.

Однажды ночью, когда мистер Копторн-Слезинджер возвращался в колледж поздним поездом, он случайно заметил в открытом окне мертвенно-бледное лицо Дика. Преподаватель не отказал себе в удовольствии задать юноше назидательный урок в виде двухсот строк на греческом, дабы тот усвоил: даже ученику шестого класса по ночам следует спать.

– Что с тобой происходит, Гринау? – гнусаво жаловался мистер Скъюболд. – Ты или не в состоянии, или не в настроении учиться. Сдается мне, дело в запоре. Ну почему никто не принимает на ночь хоть немного парафина! – Мистер Скъюболд возложил на себя важную миссию

⁸ Джон Китс (1795–1821) – поэт, один из самых великих представителей английского романтизма.

⁹ Элизабет Баррет Браунинг (1806–1861) – известная английская поэтесса.

пропагандирования парафина: он считал парафин универсальным лекарством – средством от любой болезни.

Странное наваждение длилось три недели. Друзья недоуменно пожимали плечами, опасаясь, уж не тронулся ли Дик умом. И вдруг он совершенно неожиданно пришел в себя, словно кризиса и не бывало. Исцеление произошло на званом обеде, который давали Кравистеры.

Мистер Кравистер занимал в колледже Эзопа должность директора. Это был тихий, приятный, образованный пожилой человек с белоснежно-седыми волосами и лицом, подобающим святому, если бы по иронии судьбы оно не было «украшено» пунцовым носом-картошкой, будто взятым из реквизита клоуна. Супруга директора, миссис Кравистер, массивная и величественная, напоминала галеон под всеми парусами. Тот, кто видел эту даму впервые, поражался ее чувству собственного достоинства, или попросту *спеси*, как сказали бы в елизаветинские времена. Те, кто знал миссис Кравистер, опасались ее эксцентричной натуры, скрывавшейся под внешней напыщенностью. Никто не мог предугадать, что именно в следующий момент произнесет она хорошо поставленным голосом. Нельзя сказать, чтобы ею двигал лишь злой умысел, хотя колкое ироничное словцо всегда было готово сорваться с ее языка. В разговоре с супругой директора следовало постоянно находиться начеку. С людьми, которые говорят обычные, понятные вещи, всегда приятно общаться. С миссис Кравистер дела обстояли ровно наоборот. Самое лучшее, что мог сделать собеседник этой дамы, услышав очередную неожиданную фразу, – постараться выглядеть не таким идиотом, каким он себя чувствовал.

Миссис Кравистер принимала гостей (все они были юношами) с торжественной учтивостью. Молодым людям льстило, что с ними обходятся как со взрослыми мужчинами. Однако в глубине души каждого из приглашенных таилось смутное подозрение: любезность миссис Кравистер – всего лишь ирония, столь тонкая, что заметить ее практически невозможно.

– Добрый вечер, мистер Гай, – изрекла миссис Кравистер, протянув руку и прикрыв глаза. Она любила проделывать этот фокус с глазами, чем мгновенно обескураживала собеседника. – С большим удовольствием вновь послушаю ваши размышления об *эсхатологии*¹⁰.

Гай, который никогда не размышлял об эсхатологии и даже не догадывался, что означает это слово, неуверенно улыбнулся, издав тихий протестующий возглас.

– Эсхатология? Какая увлекательная тема! – послышался мелодичный голос Генри Кравистера (сына четы Кравистеров), мужчины около сорока, работавшего в Британском музее, человека безупречной эрудиции и воспитания.

– Если бы я хоть что-нибудь в ней понимал, – в отчаянии пробормотал Гай.

– Ну уж не скромничай! – возразил Генри.

Его матушка пожимала руки остальным гостям, вызывая у одних улыбку облегчения любезной фразой, а других приводя в замешательство очередной неожиданной репликой, которая могла бы сокрушить спокойствие гораздо более опытного в светских премудростях человека, нежели юнца-школьника. Группу приглашенных замыкали Фрэнсис Кварлс и Дик. Миссис Кравистер медленно подняла распухшие восковые веки и пару мгновений молча разглядывала молодых людей.

– Античность и готика бок о бок, – наконец произнесла она. – Лорд Фрэнсис – как шедевр из Ватикана, что-нибудь из более поздних работ. А мистер Гринау напоминает небольшую горгулью с крыши собора Парижской Богоматери. Две эпохи в искусстве: как ярко видна разница между ними. А в моем муже явно прослеживается нечто малайское. Истинно малайское, – повторила миссис Кравистер, пожимая мальчишкам руки.

Дик покраснел до корней волос, зато апатично-надменный Фрэнсис и бровью не повел. Дик исподтишка взглянул на него и почувствовал новый прилив восхищения.

Компания собралась, и миссис Кравистер, обведя взглядом присутствующих, возвестила:

¹⁰ Эсхатология – религиозное учение о конце света и загробной жизни человека.

– Мистера Копторн-Слезинджера ждать не будем. – И царственно выплыла из комнаты.

К этому подчиненному своего супруга миссис Кравистер питала особенную неприязнь, которую выказывала при любой возможности. В случае, когда любая хозяйка сказала бы: «*Прошу всех к столу*», миссис Кравистер предпочла иную формулировку: «*Мистера Копторн-Слезинджера ждать не будем*». Человек, незнакомый с характером миссис Кравистер, войдя в столовую, с изумлением увидел бы, что все места заняты, и обед прекрасно проходит без единого упоминания о мистере Копторне. Кстати, на обеде мистер Копторн так и не появился – по той простой причине, что его не позвали.

Обед начался в обстановке легкой нервозности и смущения. На одном конце стола директор рассказывал забавные случаи из жизни колледжа шестидесятых годов, над которыми лихо-радочно-принужденно смеялись сидящие рядом ученики. На другой стороне Генри Кравистер, все еще развивавший тему эсхатологии, цитировал Сидония Аполлинария¹¹ и Коммодиана де Газа¹².

Закончив долгую беседу с дворецким, миссис Кравистер внезапно повернулась к Дику со следующей репликой:

– Так значит, вы страстный любитель кошек! – заявила она так, словно битый час обсуждала с Диком эту тему.

У юноши хватило присутствия духа ответить, что ему действительно нравятся кошки. Все, за исключением мэнских: ведь у них нет хвоста.

– Нет хвоста, – повторила миссис Кравистер. – Как у людей. Надо же, очень символично!

Фрэнсис Кварлс сидел напротив Дика, так что последний мог вдоволь насмотреться на своего кумира. Все движения Фрэнсиса, вплоть до его манеры есть суп, были совершенны. В голове у Дика забрезжили первые строки очередного поэтического опуса. Хватит ли у него мастерства превратить их в сонет?

Все брошу к мраморным твоим стопам —
И сердца пыл, и молодость мою!
И что-то там такое трам-пам-пам
Я вечный гимн любви тебе пою!

Миссис Кравистер, которая последние несколько минут сидела, откинувшись на спинку кресла с видом усталой отрешенности, внезапно очнулась и произнесла куда-то в воздух:

– Ах, как я завидую мудрому спокойствию китайских династий.

– Каких именно династий? – вежливо уточнила молодежь.

– Любых династий, чем древнее, тем лучше. Генри, – обратилась она к сыну, – назови нам основные китайские династии.

И Генри послушно зачитал краткую лекцию о политической истории, искусстве и письменности стран Дальнего Востока. Директор продолжал предаваться воспоминаниям. Вскоре разговор иссяк, за столом воцарилось молчание. Юноши, которые только-только начали осваиваться, с болезненным смущением стали прислушиваться к издаваемым ими во время еды звукам.

Ситуацию спасла хозяйка дома.

– Лорд Фрэнсис – большой знаток птиц, – произнесла миссис Кравистер хорошо поставленным голосом. – Возможно, он поведаст нам, почему ворона, к великому несчастью, выбирает себе одного-единственного спутника на всю жизнь?

¹¹ Сидоний Аполлинарий (ок.430 – ок. 486) – галло-римский писатель, поэт, дипломат, священнослужитель.

¹² Коммодиан де Газа (сер. III в.) – один из первых латинских христианских поэтов.

Беседа за столом возобновилась. Дик все еще сочинял сонет. Ох, уж эти рифмы! Лампада, рулада, преграда, прохлада, досада. Души, тиши, спешу.

Сияет в глубине души
Неугасимая лампада.
И оды радости, и мрачные баллады
Тебе пою, о Господи. Аминь.

Получалось неплохо, чертовски неплохо, однако эти строки никак не вязались с первым четверостишием. Впрочем, их можно включить в одно из религиозных стихотворений, которые Дик сочинил во множестве.

Его восторженные размышления неожиданно прервал высокий голос Генри Кравистера: – А мне всегда казалось, что у Патера¹³ слишком грубый слог.

При этих словах в голове у Дика словно что-то взорвалось. Бывает, когда высмаркиваясь, и в недрах лабиринта, соединяющего ухо, горло и нос, неожиданно возникает преграда – на несколько мгновений возникают глухота и странное головокружение. А потом злополучный пузырь лопается, и мозг снова воспринимает все богатство звуков, и голова опять свежая и ясная. Нечто подобное случилось и с Диком – правда, не в физическом, а в духовном плане. Молодой человек ощущал себя так, будто загадочное препятствие, возникшее в мозгу и мешавшее его нормальному функционированию последние три недели, неожиданно рухнуло. Жизнь потекла по знакомому руслу. Дик снова чувствовал себя самим собой. «А мне всегда казалось, что у Патера слишком грубый слог» – эта сказанная с серьезным видом шутка и стала заклиниванием, которое рассеяло чары. Именно такого рода комментарий мог бы произнести он сам. Более того, на долю секунды Дик показалось, что он слышит собственный голос, который долетел сюда из прошлого и вернул его к жизни!

Дик посмотрел на Фрэнсиса Кварлса. И что он в нем нашел? Племенной бык, чудовищное животное – и больше ничего! «*Прекрасная леди влюбилась в свинью*»¹⁴. Позорно! Нелепо! Дик готов был провалиться сквозь землю. Каждая клетка тела горела от стыда. Боже, каким дураком он себя выставил!

Дик наклонился над столом и завел с сидевшим напротив Генри Кравистером живой разговор о Патере, стиле и о книгах вообще. Кравистера поразила интеллектуальная зрелость юноши. Дик обладал прекрасным критическим мышлением, что выгодно отличало его от большинства сверстников, в которых эта способность (вероятно, по причине нехватки опыта) отсутствовала.

Обед подошел к концу, и гости засобирались по домам.

– Обязательно заходите ко мне, когда выберетесь в Лондон, – протянул руку Генри Кравистер, прощаясь с Диком.

Дик почувствовал прилив гордости: больше никто из приглашенных не удостоился такой чести. Домой он отправился вместе с Гаем. Друзья шли, смеялись и болтали, как в старые добрые времена. Гай изумился произошедшей с Диком перемене – чудно, непонятно! Но как же здорово вновь обрести потерянного друга!

Вернувшись к себе в комнату, Дик принялся за математические задачи, которые не подавались ему еще три часа назад. Зато теперь юноша легко с ними расправился. Его разум, словно восставший из пепла Феникс, работал с поразительной ясностью.

На следующий день мистер Скьюболд похвалил Дика:

¹³ Уолтер Патер (1839–1894) – английский искусствовед и эссеист. Особенное внимание уделял отточенному стилю своих текстов.

¹⁴ «Прекрасная леди влюбилась в свинью» – английская народная песенка. Пер. С. Маршака.

– Гринау, наконец-то вы вернулись в строй! Наверное, последовали моему совету? Не забываете про парафин!

События трех последних недель не на шутку встревожили Дика. Мистер Скьюболд, конечно, ошибался, рекомендуя парафин, однако совершенно верно подметил – организм Дика дал сбой, и это нужно было лечить. Но что могло случиться? Дик чувствовал себя прекрасно, хотя это еще ничего не доказывало. Он начал делать гимнастику Мюллера¹⁵, приобрел банку с экстрактом солода и флакон с гипофосфитами¹⁶. Простудировав медицинскую энциклопедию и учебники, Дик пришел к выводу, что страдает анемией головного мозга. Юношу стал мучить навязчивый страх, что кровь окончательно перестанет поступать в мозг и это приведет к внезапной смерти или даже полному параличу.

К счастью, жизнь в колледже во время летнего семестра была ключом, и Дик постепенно избавился от жутких мыслей. Он чувствовал себя настолько бодрым и веселым, что просто не мог больше убеждать себя в том, что смертельно болен. Впрочем, каждый раз, вспоминая о том странном периоде, Дик мрачнел. Он не любил сталкиваться с трудностями, которые не получалось преодолеть.

Его дальнейшее пребывание в колледже ничто не омрачило, если не считать двух эпизодов легкого рецидива. Во-первых, приступ странного полубессознательного состояния, похожего на лунатизм, в сочетании с временной утратой знаний по высшей математике. Скорее всего, накануне Дик переусердствовал с учебными нагрузками – пара дней отдыха помогли избавиться от тревожных симптомов. И во-вторых, довольно неприятная сцена на концерте в честь окончания колледжа. Концерты в колледже Эзопа! В плане музыкальной подготовки они, конечно, были позорны, но сколько всего интересного предлагали зрителю помимо эстетики! Апогеем концертов становился финал, когда наиболее отличившиеся выпускники взбираются на сцену и поют знаменитый гимн «Прощай, “Эзоп!”» Это самая лучшая песня колледжа! Слов там немного, зато восторженная мелодия в размере три четверти – бесспорно, выдающееся творение ныне покойного органиста мистера Пилча.

Дик тоже заканчивал учебу; к сожалению, его внешность сочли недостаточно героической, чтобы избрать в ряды поющих. Таким образом Дик оказался среди зрителей. Более того, он единственный пришел на концерт в язвительном настроении. Дик отличался тонким музыкальным слухом и поэтому, конечно, не мог воспринимать концерт серьезно. Хористы визгливо пропели о распятии Спасителя. Причем, те, кто исполнял сольные партии, выступили из рук вон плохо. И наконец настало время главного номера программы – гимна «Прощай, “Эзоп!”» На сцену вышли герои – три полубога. Самым красивым выглядел Фрэнсис Кварлс: голова гордо поднята, глаза слегка прикрыты, абсолютно спокойный и не замечающий бурлящую, в прямом и переносном смысле слова, толпу восторженных зрителей. Петлицу его фрака украшал огромный цветок розовой орхидеи, на рубашке сверкали бриллиантовые пуговицы, а на жилете – золотые. При виде Фрэнсиса сердце Дика лихорадочно забилося. Гринау с болезненной ясностью осознал – он вновь потерял над собой контроль.

Зазвучала музыка, четко слышался ритм: раз-два-три, раз-два-три и так далее. Мелодия очень напоминала вальс из оперетты «Веселая вдова»¹⁷. Через два дня выпускники навсегда покинут стены колледжа. Эта перспектива не удручала Дика; он с удовольствием здесь учился, но, в отличие от многих других, не полюбил сами стены альма-матер. Дик считал колледж учебным заведением и только, а большинство ребят воспринимали «Эзоп» чуть ли не как дом родной. Однако в тот вечер хладнокровие Дика не выдержало натиска звучавших доминант-

¹⁵ Комплекс упражнений, разработанный датским спортсменом Йоргеном Мюллером. Впервые опубликован в 1904 году.

¹⁶ Гипофосфиты – соли фосфорноватистой кислоты. Используются в том числе в медицине как антиоксиданты и общеукрепляющие средства.

¹⁷ «Веселая вдова» – знаменитая оперетта Франца Легара (1870–1948), крупнейшего композитора венской оперы наряду с Иоганном Штраусом и Имре Кальманом.

септаккордов¹⁸. Его захлестнула сладкая горечь расставания. А на сцене стоял неотразимо красивый Фрэнсис! Над залом разнесся его роскошный тенор:

Прощай, прощай, «Эзоп» родной!
Мы улетаем из гнезда,
Но образ светлый навсегда
Мы в сердце унесем с собой!

И тут Дик почувствовал, что истерически всхлипывает.

II

Здание Кантелупского колледжа, пожалуй, одно из самых пугающих в Оксфорде. Для знатоков это название говорит о многом. Вплоть до середины прошлого века колледж располагался в невысоких малопримечательных строениях пятнадцатого века, образующих два квадратного двора. Типичная архитектура оксфордских колледжей – лаконичная, скромная и благопристойная. Однако после вступления на престол королевы Виктории дела Кантелупского учебного заведения круто пошли в гору. Старые здания решено было обновить, ибо они оказались слишком тесны и невыразительны для Великого колледжа.

Летом 1867 года глубокое безумие помutilо разум руководства колледжа, следствием чего стало приглашение выдающегося архитектора, поклонника Рескина¹⁹, для переделки зданий. Знаменитый архитектор незамедлительно сровнял все корпуса колледжа с землей и воздвиг на их месте строения в модном тогда стиле мавританско-венецианской готики. Новые здания отличались огромным количеством комнат, к каждой из которых вела отдельная, почти отвесная, лестница. Практически половина комнат была столь темна, что их приходилось освещать искусственно круглые сутки (за исключением трех часов). Впрочем, этот незначительный дефект, безусловно, мерк на фоне сногшибательной красоты неовизантийских окон-бойниц, служивших, по замыслу архитектора, источником света для вышеупомянутых комнат.

Пусть внешне Кантелупский колледж получился неказист, зато его стены взрастили не один десяток благородных умов. Воспитанники колледжа показывают отличные результаты и в учебе, и в спорте. Там прекрасно уживаются активные участники дискуссионного общества «Оксфордский союз», представляющие самые разные точки зрения, и молодые люди, совершенно равнодушные к политике в любом ее проявлении. Мирно сосуществуют любители какао и поклонники шампанского. Кантелупский колледж – это отдельная вселенная, мир в миниатюре. Вне зависимости от особенностей характера и увлечений – будь то работа, гребля, охота или алкогольные напитки – любой найдет себе в колледже занятие по душе и компанию единомышленников.

Из-за слабого физического развития на прежнем месте учебы Дик занимал среди ребят весьма незавидное положение. Однако в Кантелупском колледже, где процветала более цивилизованная форма общества, дела приняли совершенно другой оборот. Комнаты Дика в венецианском бельведере над Северными воротами стали излюбленным местом встречи интеллектуальной элиты не только Кантелупского колледжа, но и всего Оксфордского университета. Гостиная была оклеена строгими серыми обоями. В углу на постаменте стояла белая китай-

¹⁸ Доминантсептаккорд – аккорд, состоящий из четырех звуков. Доминантсептаккордом называется септаккорд на V ступени мажора и гармонического минора.

¹⁹ Джон Рескин (1819–1900) – английский писатель, поэт, художник, искусствовед. Пропагандист готического стиля в архитектуре.

ская фигурка – образец золотой эпохи²⁰. Стены украшали со вкусом подобранные рисунки и литографии современных художников. Флеттон, последовавший за Диком из «Эзопа» в Кантелупский колледж, называл эту гостиную «церебральной комнатой». Благодаря преобладанию серого цвета, наводящего на мысли о сером веществе, и аскетичному убранству, выдающему вкус интеллектуала, комната оправдывала свое прозвище.

Сегодня вечером в церебральной комнате было не протолкнуться. Здесь под председательством Дика проходило очередное собрание Кантелупского филиала Фабианского общества²¹. «Искусство в социалистическом государстве» – так звучала тема нынешней встречи.

Заседание подошло к концу, и лишь три пустые бутылки из-под глинтвейна да общее ощущение неопрятности напоминали о проходивших в гостиной дебатах. Дик стоял, опершись локтем о каминную полку, и, не задумываясь, что портит лакированные туфли, рассеянно пинал в очаг догорающие красные угольки. Флеттон, как спящий вулкан, задумчиво попыхивал трубкой, сидя в огромном глубоком кресле.

– Как яростно ты напал на ремесленное творчество! Раскритиковал в пух и прах, – со смехом произнес он.

– Я всего лишь напомнил очевидную истину: предметы народного промысла не имеют к искусству ни малейшего отношения, – отчеканил Дик.

Разгоряченный недавней дискуссией, он ощущал себя так, словно внутри полно сжатых пружин, готовых распрямиться от малейшего прикосновения. Подобное состояние накатывало на Дика каждый раз после произнесенной речи.

– Это было сильно! – заключил Флеттон.

В гостиной повисла тишина. Через некоторое время внутренний двор, на который выходили окна церебральной комнаты, огласился громкими воплями, похожими на гортанные крики дикарей. Все пружины внутри Дика одновременно «выстрелили», будто тысяча чертиков из табакерки.

– Ничего особенного: гости Фрэнсиса Кварлса развлекаются, – пояснил Флеттон. – «Слепые рты», говоря языком Мильтона²².

Не удосужившись дать ответ хотя бы кивком или односложным междометием, Дик нервно заметался по комнате, словно тигр в клетке.

– Мой дорогой, кажется, ты сегодня не в духе, – после долгого молчания произнес Флеттон, поднимаясь с кресла. – Спокойной ночи. – Шаркая расхлябанными тапочками, он направился к двери.

Дик на мгновение замер, прислушиваясь к звуку удаляющихся по лестнице шагов. Вскоре все стало тихо. Gott sei dank²³. Он прошел в спальню к пианино. Инструмент пришлось поставить именно там – его щегольски-черный покрытый лаком корпус совершенно не соответствовал строгому интерьеру церебральной комнаты. Все время, пока чертов Флеттон торчал рядом, Дик изнывал от жажды усесться за пианино!

Сев на табурет, он придвинулся к клавишам и начал играть одну и ту же последовательность нот. Снова и снова. Левой рукой он взял ноту соль октавой, а правая нежно опустилась на фа, си и ми. Упоительное, излюбленное Мендельсоном сочетание нот, в котором естественная красота доминантсептаккорда раскрывается во всем своем богатстве за счет добавления

²⁰ Золотая эпоха китайской культуры и искусства – период правления династии Тан (VII – начало X в.)

²¹ Фабианское общество – организация английской интеллигенции, созданная для пропаганды идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое методом последовательных реформ. Основано в Лондоне в 1884 году. Название общества восходит к имени римского полководца Фабия Максима Кунктатора (Медлителя), успешно пользовавшегося тактикой выжидания в борьбе с Ганнибалом. Воззрения фабианцев, в частности, поддерживали Б. Шоу, Г. Уэллс.

²² Джон Мильтон (1608–1674) – один из величайших поэтов Англии, публицист, политический деятель. Выражение «слепые рты» используется Мильтоном в элегии «Люсидас».

²³ Gott sei dank – Слава тебе, Господи (нем.)

божественного диссонанса. Соль, фа, си, ми... Звуки повисли в тишине, и Дик через проходящую ре привел аккорд к разрешению в первозданную красоту натурального до мажора. Чарующие звуки порождали в его душе сильнейший эмоциональный отклик. Дик еще раз двадцать повторил этот аккорд, а затем, насытившись его сладостью, поднялся из-за пианино и выдвинул нижний ящик платяного шкафа. Со дна ящика он достал спрятанную под сложенными вещами объемистую папку и развязал ленточки. Внутри лежало несметное количество фотогравюр шедевров старых мастеров: почти полная коллекция работ Греза²⁴, самые известные полотна Ари Шеффера²⁵, кое-что из Альмы-Тадемы²⁶ и Лейтона²⁷; фотографии скульптур Торвальдсена²⁸ и Кановы²⁹; репродукции «Острова мертвых» Беклина³⁰, религиозных произведений Хольмана Ханта³¹ и многих картин с выставок Парижского салона³² за последние сорок лет.

Дик забрал папку в церебральную комнату – там было больше света – и начал неторопливо, любовно изучать каждое изображение. Литография Сезанна, три восхитительных офорта Ван Гога и небольшой холст Пикассо холодно взирали на Дика со стен.

В три часа утра он отправился спать: озябший, с затекшими руками и ногами, но с сознанием законченного дела. И действительно, Дик имел все основания гордиться собой – ведь он только что написал первые четыре тысячи слов (полторы главы) романа «Хартсиз Фитцрой: история одной девушки».

Наутро, проглядев плоды своих ночных трудов, Дик пришел в сильное смятение. После трех странных недель в «Эзопе» ничего даже отдаленно похожего не выходило из-под его пера! Рецидив? Дик не знал, что и думать. В любом случае ничего страшного не произошло: сейчас он чувствовал себя абсолютно нормально, что называется, в здравом уме и твердой памяти. Скорее всего, просто переутомился на вчерашнем собрании фабианцев. Дик снова взглянул на свою рукопись.

– Папочка, скажи, когда маленькие девочки попадают на небо и становятся ангелами, у них есть игрушки, котята и плюшевые мишки?

– Право, не знаю, – ласково проговорил сэр Кристофер. – А почему моя малышка спрашивает?

– Папочка, я, наверное, скоро превращусь в маленького ангела. Мне бы очень хотелось взять своего любимого мишку на небо!

Сэр Кристофер прижал девочку к груди. Хрупкая, невесомая малышка так напоминала ангела! Будет ли у нее на небе плюшевый мишка? Детский вопрос все еще звенел в ушах сэра

²⁴ Жан-Батист Грез (1725–1805) – французский живописец. Великолепный портретист и жанрист.

²⁵ Ари Шеффер (1795–1858) – французский исторический и жанровый живописец.

²⁶ Лоуренс Альма-Тадема (1836–1912) – выдающийся британский художник голландского происхождения. Специализировался на картинах исторического жанра.

²⁷ Фредерик Лейтон (1830–1896) – английский художник и скульптор, яркий представитель викторианского академизма (салонного искусства), в некоторых отношениях близкий к прерафаэлитам. Или Эдмунд Блэр Лейтон (1853–1922) – английский художник, писавший в стиле романтизма и прерафаэлитизма.

²⁸ Бертель Торвальдсен (1770–1844) – датский художник исландского происхождения, скульптор, ярчайший представитель позднего классицизма.

²⁹ Антонио Канова (1757–1822) – итальянский скульптор. Наряду с Торвальдсеном наиболее значительный представитель классицизма в европейской скульптуре.

³⁰ «Остров мертвых» – наиболее известная картина швейцарского художника-символиста Арнольда Беклина (1827–1901).

³¹ Уильям Хольман Хант (1827–1910) – английский живописец, один из основателей Братства прерафаэлитов – направления в английской поэзии и живописи во второй половине XIX века, возникшего с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам.

³² Парижский салон – одна из самых престижных художественных выставок Франции, официальная регулярная экспозиция парижской Академии изящных искусств.

Кристофера. Величественный, сильный мужчина заплакал. Слезы капали на каштановые кудри девочки.

– Скажи, папочка, позволит ли мне Всеблагий Господь взять на небо мишку?

– Дитя мое, – всхлипывал сэр Кристофер. – Дитя мое...

Лицо Дика горело, щеки залил румянец. Он в ужасе отвернулся. Первым делом стоит немного сбавить темп: лечь пораньше, возобновить занятия гимнастикой и не усердствовать с работой.

В тот вечер Дик лег спать в половину десятого, однако следующим утром обнаружил, что за ночь будущий роман вырос еще на дюжину исписанных убористым почерком страниц. Дик пришел к выводу, что написал их во сне. Все это было очень неприятно. Дни шли за днями. Каждое утро появлялся новый фрагмент рукописи «Хартсиз Фитцрой» – стопка листов росла с удивительной скоростью. Как будто по ночам к Дику являлся маленький домовой, чтобы выполнить назначенную работу, а к утру исчезнуть.

Вскоре Дик слегка успокоился: днем он чувствовал себя совершенно нормально, голова работала с безукоризненной ясностью. Если в часы бодрствования проблем не возникало, то какая разница, что происходило ночью? Дик почти забыл о Хартсиз и вспомнил о ней, только когда открыл платяной шкаф: внизу лежала солидная пачка исписанных листов.

Пять недель спустя он завершил «Хартсиз Фитцрой» и отослал рукопись литературному агенту. Дик не рассчитывал, что издатели купят писанину – на этот шаг его сподвигла исключительно нужда финансового характера. И он решил попытаться, даже если шанс был ничтожно мал. Через две недели пришло письмо, начинавшееся со слов: «*Мадам! Позвольте поздравить Вас с удачным литературным дебютом! “Хартсиз Фитцрой” – отличная книга*». И подпись: «*Эбор В. Симс, редактор “Хильдебрандс хоум Уикли”*».

В шапке письма имелись данные о тираже издания, который превышал три с четвертью миллиона экземпляров. Условия, предлагаемые мистером Симсом за еженедельную публикацию романа по главам, казались просто волшебными. Кроме того, Дику полагался особый гонорар, когда роман выйдет отдельной книгой.

Письмо от Симса пришло во время завтрака. Он отменил все запланированные на день мероприятия и немедленно отправился на долгую прогулку. Ему хотелось как следует подумать. Дик прошелся по дороге Семи мостов, влез на Камнорский холм, миновал деревушку и двинулся по тропинке к переправе Бэблук Хайс, а оттуда – вдоль русла «юной Темзы», на каждом шагу вспоминая «Школяра-цыгана»³³, черт бы его побрал!

В маленькой гостинице у моста чуть дальше по течению реки Дик выпил пива и закусил хлебом с сыром. Именно там, в гостиничном холле, в окружении гравюр с портретом королевы Виктории, вдыхая затхлый, влажноватый воздух, герметично закупоренный в этих стенах почти три столетия назад, Дик наконец осознал всю правду о себе. Он гермафродит.

Конечно, не в грубом, буквальном, смысле, а в психологическом. В одном теле сосуществуют две личности: мужчина и женщина. Доктор Джекил и мистер Хайд. Или скорее Уильям Шарп и Фиона Маклауд³⁴ – более изысканный Уильям и простоватая Фиона. Теперь все встало на свои места. Постыдный инцидент с Кварлсом получил простое и логичное объяснение – нежная молодая особа, увлекающаяся литературой, решила написать сонет герою своих грез, которого вообразила эдаким офицером-красавцем из романов Уиды³⁵. И с какой пронизательностью мистер Симс без колебаний использовал в письме обращение «*мадам*»!

³³ «Школяр-цыган» – поэма Мэтью Арнольда (1822–1888), английского поэта, культуролога и литературоведа.

³⁴ Уильям Шарп (1855–1905) – шотландский писатель и поэт, с 1893 также известный под псевдонимом Фиона Маклауд.

³⁵ Уида – псевдоним Марии Луизы Раме (1839–1908), английской писательницы, известной своими авантюрно-сентиментальными романами.

Дику сразу стало легче. Его четко устроенный разум не выносил мистики. Долгое время он сам для себя был загадкой, и теперь она разрешилась. Обнаруженная аномалия его совершенно не взволновала. До тех пор, пока обе личности не пересекались – мужчина с легкостью решал математические задачи в часы бодрствования, а женщина кропала свои романы исключительно по ночам и не вмешивалась в дневные занятия, – подобный симбиоз вполне устраивал Дика. Чем больше он думал об этом, тем больше радовался такому удачному положению дел. Все устроилось самым лучшим образом. Дневные часы Дик станет посвящать сухим наукам, философии и математике, и время от времени небольшим экскурсам в политику. А после полуночи – женской рукой строчить романы, которые принесут ощутимый доход и окупят его неприбыльные мужские занятия. Получалось, что Дик в некотором роде альфонс, зато это был реальный шанс развеять постоянно преследовавший его страх бедности. Он боялся превратиться в человека, существующего от зарплаты до зарплаты, продающего свой интеллект, чтобы не умереть с голоду. Словно восточный богач, он хотел сидеть и спокойно курить трубку, пока женщины делают грязную работу. Как удобно!.. Дик расплатился за хлеб с сыром и зашагал назад, весело насвистывая.

III

Два месяца спустя на страницах журнала «Хильдебрандс хоум Уикли» появился первый отрывок романа некой Перл Беллер «Хартсиз Фитцрой: история одной девушки». Три с четвертью миллиона прочли и одобрили. Когда произведение вышло отдельной книгой, за шесть недель было продано двести тысяч копий. В течение двух последующих лет не менее шестидесяти тысяч младенцев женского пола только в Лондоне получили при крещении имя Хартсиз. Когда читатели журнала в двести пятидесятый раз увидели знакомую колонку с первой главой из четвертого романа, имя Перл Беллер знали практически в каждом доме. А Дик тем временем получал доходы, о которых не смел помыслить даже в самых дерзких мечтах. Он наконец-то смог позволить себе кое-что по-настоящему желанное – шелковое нижнее белье и хорошие (действительно хорошие) сигары.

IV

Дик завершал учебу в Кантелупском колледже в лучах славы: ярчайший представитель поколения, человек выдающегося ума, головокружительные перспективы, карьера... Однако щедрые похвалы не вскружили ему голову. В ответ на слова о блестящих успехах в учебе Дик лишь вежливо благодарил и приглашал познакомиться со своим *Memento Mori*³⁶.

Прозвище *Memento Mori* принадлежало мистеру Глоттенхэму, который целыми днями торчал в помещении дискуссионного общества, а по вечерам перебирался в профессорскую. Когда-то он здесь учился, и несколько лет назад из жалости к преклонному возрасту и одиночеству преподаватели позволили мистеру Глоттенхэму посещать профессорскую. Впрочем, об этом акте милосердия, как и о всех благородных порывах в мировой истории, вскоре горько пожалели. Старик с адским постоянством появлялся в обеденном зале, не пропуская ни одного дня, и последним уходил из профессорской. С первого же взгляда мистер Глоттенхэм производил неприятное впечатление: морщинистое лицо, покрытое отвратительной седой щетиной, одежда с застарелыми пятнами от многолетней привычки неаккуратно питаться. Плечи и длинные руки придавали мистеру Глоттенхэму сходство с приматом. Чудовищным приматом, похожим на человека. Голос его напоминал скрежет. Мистер Глоттенхэм говорил без-

³⁶ *Memento Mori* – помни о смерти (лат.)

остановочно и на любые темы. Старик отличался поистине энциклопедическими знаниями, но обладал искусством странной, извращенной алхимии превращать золото в свинец – любые, даже самые интересные, темы в его устах становились невыносимым занудством. Никто не мог выдержать его длинные монологи.

Мистер Глоттенхэм был тем самым символом смерти, к которому Дик привлекал на торжественном банкете внимание своих поздравителей. В свое время мистер Глоттенхэм мог стать поистине выдающимся ученым. Преподаватели прочили ему самую головокружительную карьеру из всех сверстников. Его однокашники стали государственными министрами, поэтами, философами, судьями, миллионерами, а мистер Глоттенхэм до сих пор продолжал навещать в «Оксфордский союз» и профессорскую Кантелупского колледжа. Он так и остался просто мистером Глоттенхэмом. Вот почему Дик не разделял всеобщих восторгов относительно своего светлого будущего.

V

– Кем стать? Какое следует выбрать занятие? – Дик мерил шагами комнату, яростно дымя сигарой и совершенно не воздавая должное великолепному аромату дорогого табака.

– Дружище, – примирительным тоном сказал Генри Кравистер (разговор проходил в одной из комнат с высокими потолками у него дома в Блумсбери³⁷, куда Дик заехал в гости и теперь выказывал полную утрату самообладания), – дружище, мы не на религиозном собрании секты возрожденцев³⁸. Такое ощущение, что вашу душу надо срочно спасти из адского пекла. Все не так уж плохо, и вы прекрасно это знаете.

– Мы именно на собрании секты возрожденцев! – запальчиво выкрикнул Дик. – Да! Я разделяю их взгляды! Вы не представляете, что значит задумываться о своей душе. Я ужасающе откровенен. Вам не понять! У меня те же мысли, что у Баньяна³⁹, но нет его веры! Спасение моей души важно! Как было бы просто присоединиться к милым созданиям в чепчиках и распевать гимны вроде: «*Гип-гип ура во имя крови жертвенного агнца!*» – и дело в шляпе. Или вот еще прелестная вещица:

В Геенне огненной колокола
Звонят-звонят-звонят!
Нет, нет, не для меня!
В небесной вышине архангелы
Парят-парят-парят,
Улыбкою маня!⁴⁰

– Увы, это невозможно, – грустно заключил Дик.

– Ваши идеи, – Кравистер старался говорить как можно более мягко, – отдают готикой. Я их понимаю, но не разделяю и не одобряю. Мой совет каждому, кто не знает, какой путь ему следует выбрать, всегда один: займитесь тем, что нравится.

– Кравистер, вы безнадежны! – расхохотался Дик. – Признаю, идеи действительно готические, но дальше возникает вопрос о понятиях «*следует*» и «*нравится*»!

³⁷ Блумсбери – престижный район Лондона. Здесь традиционно селились художники и писатели. Среди обитателей Блумсбери были такие известные люди, как Ч. Диккенс, Б. Шоу, Т. Элиот, В. Вульф, У. Теккерей, Ч. Дарвин.

³⁸ Возрожденцы – движение христианского обновления, придающее принципиальное значение вере в духовное преобразование христианина и его рождение свыше в результате крещения Святым Духом.

³⁹ Джон Баньян (1628–1688) – английский писатель, баптистский проповедник, пуританский теолог, мистик.

⁴⁰ Куплет из строевой песни британских солдат, сочиненной во время Первой мировой войны для поддержания боевого духа перед сражением.

Дик заехал к старому другу поговорить о жизни. Гринау находился на перепутье, не зная, какую дорогу выбрать. Неутомимое перо Перл Беллер избавляло его от финансовых затруднений. Но кто избавит от моральных? Как лучше распорядиться своими талантами и временем? Посвятить себя знанию или действию? Философии или политике? Дик горел желанием отыскать истину и, возможно, – кто знает? – ему это удастся. С другой стороны, видя вопиющее несовершенство окружающего мира, Дик мог бы бросить все силы на борьбу с откровенным злом.

Основная дилемма состояла в следующем: стоит ли ему посвятить себя исследованиям, необходимым для реализации давно зрелого плана по описанию собственной системы научной философии, или воспользоваться деньгами Перл Беллер, чтобы вдохнуть новую жизнь в английское революционное движение? На карту были поставлены великие нравственные принципы, а Кравистер не нашел ничего лучше, чем дать совет: «Займитесь тем, что вам нравится»!

После месяца мучительных колебаний Дик (в нем взяла верх английская практичность) нашел замечательное компромиссное решение. Он начал работать над системой Синтетической философии и одновременно устроился в издание «Уикли интернэшнл», вклад в процветание которого вносил и статьями, и деньгами. И побежали недели – радостные, прибыльные. Секрет счастья в том, что нужно найти работу по душе, и Дик трудился с невероятным усердием. А по ночам не знающая устали Перл Беллер выдавала очередную порцию в пять тысяч слов, чем обеспечивала безбедное существование не только Дику, но и всему «Уикли интернэшнл». Эти месяцы стали, пожалуй, самыми безоблачными в его жизни. У Дика были друзья, деньги, свобода, работа спорилась. Особым, неожиданным счастьем оказалось сближение с Миллисентой. Раньше ему не удавалось ладить с сестрой настолько хорошо.

На третий год учебы Дика в Оксфорде туда в качестве студентки колледжа святого Мунго приехала Миллисента. Она превратилась в очень деятельную и очень умную молодую женщину, которую к тому же отличала весьма привлекательная внешность. Миллисента, по-мальчишески худая, обладала необыкновенным природным изяществом, которое пыталась скрыть под маской суховатых манер, но оно все равно прорывалось в грациозных жестах и движениях, заставляя сердца окружающих замирать от неподдельного восхищения.

Как необъезженная кобылица,
Шалить она любила и резвиться.
Пряма, что мачта, и гибка, что трость,
Была она⁴¹.

Кстати, Чосер умел мастерски подметить не только красоту юности, но и гноящиеся язвы, и ноздри, поросшие щетиной, и красные рожи толстяков, погрязших в грехе⁴².

Не успела Миллисента начать учебу в колледже св. Мунго, как о ней заговорили. Молодые особы со второго и третьего курса могли сколько угодно морщиться, глядя на самоуверенную новенькую, и негодовать, что желторотая нахалка совершенно не проявляет к ним должного пиетета, – Миллисента не обращала на них ни малейшего внимания. Она основала несколько новых обществ и оживила деятельность старых, где за чашкой какао обсуждалось все на свете, с азартом играла в хоккей и ужасающе много трудилась. И, конечно, очень скоро с мнением Миллисенты стали считаться, ее зауважали.

В начале пятого семестра девушка организовала знаменитую общую забастовку студентов, которая вынудила руководство колледжа ослабить кое-какие наиболее деспотичные и уста-

⁴¹ Отрывок из «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера (пер. И. Кашкина). Джеффри Чосер (ок.1343–1400) – основоположник английский поэзии, первым начавший писать стихи на родном языке.

⁴² Здесь автор ссылается на характерные черты персонажей «Кентерберийских рассказов».

ревшие правила, ограничивавшие свободу учащихся. Именно Миллисента от лица бастующих отправилась на переговоры с директрисой колледжа, грозной мисс Проссер. Грозная мисс Проссер хмуро взглянула на нее и пригласила садиться. Миллисента села и смело обратилась к директрисе с краткой, но емкой речью, в которой раскритиковала основные принципы дисциплинарной системы колледжа св. Мунго.

– Ваши представления, – убеждала она директрису, – в корне неправильны. Они наносят оскорбление всему женскому полу. И совершенно неадекватны! Вы исходите из убеждения, что все студентки постоянно находятся в состоянии сексуального возбуждения, а потому, стоит нас хоть на мгновение оставить без присмотра, как мы тут же кинемся воплощать наши мечты в реальность. Мне стыдно даже произносить такие отвратительные вещи! В конце концов, мисс Проссер, мы разумные студентки колледжа, а не сумасшедшие нимфоманки из психиатрической лечебницы!

Первый раз за все годы службы директрисе пришлось признать свое поражение. Руководство колледжа пошло на уступки, очень осторожно и всего в паре пунктов, но непоколебимые принципы удалось пошатнуть. И это было, как подчеркивала Миллисента, самое главное.

Во время учебы в Кантелупском колледже Дик часто виделся с сестрой. А после получения диплома навещался к ней раз в две недели. Взаимная отчужденность нередко отравляет общение внутри семьи. Долгие годы между Диком и Миллисентой упорно воздвигалась невидимая стена, и теперь она начала исчезать: брат и сестра стали лучшими друзьями.

– Знаешь, Дик, сейчас ты мне нравишься гораздо больше, – однажды призналась Миллисента, когда они после долгой прогулки прощались у ворот колледжа.

Он снял шляпу и шутливо поклонился.

– Дорогая сестра, спешу ответить взаимностью. Более того, ты заслужила мое уважение и восхищение, представляешь?

Девушка присела в реверансе, и они оба расхохотались. Дика и Миллисенту переполняло счастье.

VI

– Что за жизнь, – устало вздохнул Дик, когда поезд отъехал от платформы Юстонского вокзала⁴³.

«Неплохая жизнь», – подумала Миллисента.

– Сил никаких нет. Я совершенно *дезерантирован*, – проговорил он.

Слово «*дезерантирован*» Дик придумал, переименовав французское «*éreinté*»⁴⁴. Ему нравилось сочинять неологизмы. Другим приходилось осваивать эти словечки, чтобы лучше понимать Дика в ходе частной беседы.

Он имел все основания для того, чтобы чувствовать себя *дезерантированным*. Весна и лето пролетели в вихре бесконечных дел. Дик написал три большие главы «Новой синтетической философии» и составил заметки для двух последующих. Помогал организовывать и довести до успешного завершения большую забастовку плотников в мае и июне. Сочинил два памфлета и бесчисленное количество политических статей. И это лишь малая часть его деятельности. Каждую ночь, с полуночи до двух, мисс Перл Беллер творила свои литературные шедевры, зарабатывая для Дика на хлеб с маслом. В мае вышел роман «Обезьяны в фиолетовом». После чего мисс Беллер умудрилась написать «Безнравственную красотку» и приступила к первым

⁴³ Юстонский вокзал – один из вокзалов на севере центрального Лондона, поддерживающий железнодорожное сообщение с западной и северо-западной частью страны, а также Уэльсом и Шотландией.

⁴⁴ *Éreinté* — утомленный, измотанный (*фр.*)

главам «Дейзи едет на Китиру»⁴⁵. Кроме того, ее еженедельная рубрика «Девушкам Британии» стала изюминкой приложения «Хильдебрандс Саббат» – самого читаемого воскресного издания.

К началу июля Дик решил, что заслуживает небольшого отпуска. И теперь они с Миллисентой отправлялись на север. Дик арендовал коттедж на берегу одного из длинных соленых озер, которые придают западной оконечности Шотландии изрезанный вид на географических картах. Вокруг на многие километры не было ни одного человека, кто не носил бы фамилию Кэмпбелл. Исключение составляли две семьи: одни Мюррей-Драммонды, а вторые Драммонд-Мюррей.

В любом случае Дик и Миллисента приехали не ради знакомств. Брата и сестру привлекала шотландская природа – красота пейзажей с лихвой восполняла все то, чего подчас не хватало местным жителям. Позади коттеджа, посредине узкой болотистой полосы, лежащей между озером и подножьем гор, находилась одна из многочисленных могил Оссиана⁴⁶ – огромные древние камни. А в трех километрах отсюда – развалины легендарного убежища Дейдре. Безмолвные свидетели кельтского прошлого.

Вдали, словно черные точки, виднелись руины средневековых замков. Поразительная земля – вздыбленная горами, изрезанная узкими фьордами. В летние дни этот невероятно живописный ландшафт наполнялся голубоватым кристально-прозрачным воздухом, производя впечатление абсолютной ирреальности. Вот почему Дик решил провести отпуск именно здесь: после назойливой суеты Лондона сказочные окрестности горного озера казались живительным бальзамом для изнуренного горожанина.

– *Nous sommes ici en plein romantisme!*⁴⁷ – восхищенно заметил он в день приезда, обводя широким жестом потрясающей красоты вид.

Весь отпуск Дик изображал юного романтического героя. Присев возле могилы Оссиана, читал вслух Ламартина⁴⁸, декламировал Байрона, когда взбирался на вершины гор, и Шелли⁴⁹, когда плыл на лодке по озеру. По вечерам, читая «Индиану» Жорж Санд, Дик страдал вместе с чистой, но пылкой героиней, а его уважение к любившему ее сэру Брауну, молчаливому гиганту, всегда одетому в безупречный охотничий костюм, не знало границ. Дик самозабвенно читал стихи Виктора Гюго и почти убедил себя, что слова «*Dieu, infinité, éternité*»⁵⁰, которыми так щедро сбризнуты произведения этого грешного гения⁵¹, все-таки не лишены некоторого смысла. Впрочем, какого именно, Дик даже в самых романтических порывах понять не мог.

Зато Перл Беллер прекрасно понимала. Несмотря на скромные познания во французском, она частенько могла растрогаться до слез, когда, возникнув после полуночи, читала оказавшиеся под рукой книги. Перл даже списала несколько отрывков с намерением использовать их в новом романе. Особенно сильно ее поразили вот эти возвышенные строки:

Отчаяния песнь едва ль не всех прекрасней,
Есть песни дивные, похожие на плач⁵².

⁴⁵ Китиру – остров в Эгейском море, входит в число Ионических островов. Китиру считается одним из главных культовых центров Афродиты.

⁴⁶ Оссиан (Ойсин), Дейдре – герои кельтских мифов и легенд.

⁴⁷ *Nous sommes ici en plein romantisme!* – У нас тут настоящая романтика! (*фр.*)

⁴⁸ Альфонс де Ламартин (1790–1869) – французский поэт, публицист, общественный деятель, основоположник французской романтической поэзии.

⁴⁹ Перси Биши Шелли (1792–1822), Джордж Гордон Байрон (1788–1824) – величайшие поэты Англии, представители романтического направления.

⁵⁰ *Dieu, infinité, éternité* – Бог, бесконечность, вечность (*фр.*)

⁵¹ Скорее всего имеется в виду знаменитая слабость Гюго к женскому полу.

⁵² «*Les plus désespérés sont les chants les plus beaux, /Et j'en sais d'immortels qui sont de purs sanglots*» – отрывок из стихотворения «Майская ночь» Альфреда де Мюссе (1810–1857), известного французского поэта и прозаика позднего

Миллисента тем временем замечательно справлялась с домашним хозяйством, много гуляла и читала толстые серьезные книги. Она подшучивала над братом, решившим на время отпуска превратиться в романтического героя, но участвовать в игре отказывалась.

Новость об объявлении войны разразилась как гром среди ясного неба. Газет Дик с Миллисентой не читали, а страницы «Скотсмана» – единственного издания, которое все-таки попадало в дом к обеду, – служили исключительно для розжига огня или для заворачивания рыбы и тому подобного. Писем ни Дик, ни Миллисента не получали, так как не оставили адреса для пересылки корреспонденции. Они жили в полной изоляции от внешнего мира.

В роковое утро Дик мельком взглянул на газету, однако ничего необычного не заметил. И только гораздо позже, случайно услышав странные пересуды возле местной лавочки, решил изучить «Скотсман» повнимательнее. Далеко не на первой странице в середине третьей колонки он обнаружил довольно подробное описание трагических событий, которые произошли за последние сутки. Каменя от ужаса, Дик прочел, что в Европе полыхает война, в которую вступила и его родина. Переживая сильнейшее потрясение от новостей, он невольно восхитился, с каким непоколебимым спокойствием был подан материал о войне – ни громких заголовков, ни раздувания щек по поводу традиционного аристократического достоинства. «Совсем, как сэр Рудольф Браун из “Индианы”», – грустно улыбнувшись, подумал он.

Дик решил немедленно вернуться в Лондон. Он чувствовал, что должен действовать (или, по крайней мере, создать иллюзию деятельности). Дик не мог сидеть сложа руки. Было решено, что он отправится поездом в тот же день, а Миллисента выедет через день или два вместе с багажом.

Поезд до Глазго тащился, как улитка. Дик пытался читать, пробовал вздремнуть – бесполезно. Взвинченный до крайности, он представлял собой жалкое зрелище – руки и ноги непроизвольно подергивались, неконтролируемые спазмы мышц превращали лицо в жуткую гримасу. В ожидании пересадки на поезд до Лондона Дик три часа бродил по улицам Глазго. Светлым летним вечером многочисленные жители города высыпали из домов, чтобы прогуляться. Он с отвращением протискивался сквозь толпу людей, поражаясь их одинаково уродливой внешности – все, как нарочно, невысокие, кривые, безобразные. Их речь звучала совершенно нечленораздельно. Дик содрогнулся: чуждое, гадкое место.

Лондонский поезд был переполнен. В купе к Дикю подсели три неотесанных итальянца. После того как соседи с громким омерзительным чавканьем поели и попили, они, приготовившись спать, сняли ботинки. В купе разлился тошнотворный запах аммиака, словно в клетке с мышами, которую давно не чистили. Пока трое итальянцев наслаждались счастливым забвением, Дик, сидя без сна, смотрел на их огромные туши, развалившиеся рядом. Он задыхался от жары и запаха потных тел. В голове с пугающей навязчивостью закопошилась мысль: итальянцы больны и выдыхают зараженный воздух, а Дик, обреченный сидеть в этой жуткой парилке, медленно пропитывается чахоткой и сифилисом! Вот он, настоящий ад!

Наконец Дик понял, что больше мучиться не в состоянии, и вышел из купе. Стоя в коридоре или на несколько минут вынужденно отлучаясь в туалет, он кое-как провел остаток ночи. Поезд мчался без остановок. Постепенно в грохоте колес стал улавливаться ритм. В далеком детстве поезда выстукивали забавную песенку: «*В Ланкашир, в Ланкашир! Платочком машем, машем! В Ланкашир, в Ланкашир...*» Увы, той ночью колеса тревожно повторяли лишь одно слово: «*Война-война! Война-война! Война-война!*» Дик отчаянно пытался услышать что-нибудь другое, например стихи Мильтона или хотя бы песенку про Ланкашир, – тщетно. Колеса упорно твердили бесконечную мантру: «*Война-война! Война-война!*»

К моменту прибытия в Лондон Дик находился в самом плачевном состоянии. Нервы окончательно расшатались: они вибрировали, лихорадочно сжимались и разжимались, словно мечущиеся в клетке птицы. Лицо дергалось чаще и сильнее. Пока Дик стоял в ожидании такси, он услышал позади детский голосок:

– Мамочка, а что у дяди с лицом?

– Тише, дорогой, это невежливо, – последовал негромкий ответ.

Дик обернулся: на него, будто на диковинного зверя, с любопытством и восхищением смотрели большие круглые глаза мальчика. Дик прислонил ладонь ко лбу в попытке утихомирить мышечные спазмы. Ну вот, теперь его боятся дети!

Вернувшись в квартиру, он выпил стакан бренди и лег спать. Дик чувствовал себя выпотрошенным, больным. Он проснулся в половине первого дня и, глотнув еще бренди, выполз на улицу. Стояла одуряющая жара. Отражающийся от тротуаров солнечный свет резал глаза. Казалось, асфальт раскалился добела. По дороге медленно ехала поливальная машина, оставляя после себя тошнотворный запах мокрой пыли.

Дик почувствовал, что его здорово развезло: не надо было пить алкоголь на пустой желудок. Молодой человек находился в той стадии опьянения, когда мозг способен воспринимать окружающую действительность, но не способен ее анализировать. С болезненной ясностью осознавая свое состояние, Дик лишь огромным напряжением воли добивался восстановления нарушенной связи. Долгим, изматывающим усилием он как бы прижимал мозг к задней поверхности глазных яблок. Но стоило хоть на миг ослабить давление – способность анализировать происходящее моментально исчезала, связь опять прерывалась, и Дик скатывался к состоянию, граничащему со слабоумием.

Действия, которые в обычных обстоятельствах человек производит механически, не задумываясь, Дик приходилось выполнять осознанно и принудительно. Например, пришлось заново научиться ходить – сначала выставить вперед левую ногу, потом правую. С какой изощренностью он двигал ступнями и коленями! Как грациозно шевелил бедрами!

Дик зашел в ресторан и сидел там, попивая кофе и ковыряя омлет, до тех пор, пока не почувствовал, что протрезвел. Затем отправился в контору «Уикли интернэшнл», чтобы переговорить с Хайманом, занимавшим должность редактора.

Хайман сидел за столом в нарукавниках и что-то писал.

– А, Гринау! – радостно воскликнул он, завидев Дика. – А мы-то гадали, куда ты запропастился. Некоторые утверждали, что ты ушел на фронт.

Дик отрицательно замотал головой, но не произнес ни слова. В нос ударили сильные запахи свежей типографской краски и печатных машин в сочетании с едким ароматом любимых Хайманом сигарет с виргинским табаком. Почувствовав накатившую дурноту, Дик поскорее уселся на подоконник и с наслаждением вдохнул чистый воздух.

– Какие новости? – наконец произнес он.

– Скоро начнется ад кромешный.

– А я, по-твоему, думал, что будет рай? – раздраженно ответил Дик. – Теперь идеи интернационализма выглядят смешно, да?

– Ничего подобного! Я верю в них больше, чем когда-либо! – вскричал Хайман, и его лицо озарилось сиянием благородного энтузиазма. Надо сказать, это было хорошее лицо: худощавое, покрытое морщинами, скуластое, словно высеченное из камня (а ведь Хайману еще не исполнилось и тридцати). – Пусть остальной мир сходит с ума! Мы сохраним здравомыслие! Придет время, и все поймут, что правда на нашей стороне!

Хайман продолжил свою пламенную речь. Его чистосердечие и целеустремленность вдохновили Дика. Он всегда восхищался Хайманом. Конечно, с некоторыми оговорками: Хайман напоминал фанатика, и ему не хватало образования, однако сегодня Дика тронуло поверхностное красноречие Хаймана, которое в прошлом всегда оставляло его равнодушным. Пообе-

щав написать для газеты серию статей по международным отношениям, он отправился домой в отличном расположении духа и решил приступить к работе немедленно. Приготовил бумагу, перо и чернила и уселся за бюро. Дик хорошо помнил, как, задумчиво прикусив кончик пера, ощутил на языке горький привкус...

И очнулся у витрины универмага «Либерти». Долгое время он неподвижно стоял, казалось бы, целиком поглощенный разглядыванием клочка сиренево-синей материи. Однако все его внимание было обращено внутрь себя: Дик мучительно думал, каким образом получилось, что он сел писать статью у себя в квартире, а в следующее мгновение оказался на Риджент-стрит? В сознании молнией промелькнула мысль: он ведь больше не пил бренди? Или все-таки пил? Нет, Дик ощущал себя полностью трезвым. Размышляя над странными событиями, он медленно двинулся прочь.

На Оксфорд-серкус Дик купил вечернюю газету. Увидев дату – двенадцатое августа, – он едва не закричал. Дик сел писать статью седьмого! С тех пор минуло пять дней, и он не имел ни малейшего представления, что произошло за это время!..

Дик примчался домой. Там все было в идеальном порядке. Судя по всему, сегодня он пообедал сардинами, хлебом с джемом и изюмом. Остатки трапезы еще лежали на столе. Дик распахнул сервант и достал оттуда бутылку с бренди. Лучше убедиться наверняка. Он поднес бутылку к свету: плескавшаяся внутри жидкость занимала не менее трех четвертей емкости. Со дня приезда из бутылки не исчезло ни капли. Значит, дело не в алкоголе. Но тогда в чем?

Пытаясь найти логичное объяснение случившемуся, Дик рассеянно скользил взглядом по заголовкам вечерней газеты. Он хотел уже перевернуть страницу, как вдруг в глаза бросился крупный заголовок над редакционной статьей: «*Женщинам Империи. Мысли в военное время. Перл Беллер*». И внизу в скобках: «*Первая из цикла воодушевляющих патриотических статей известной писательницы мисс Беллер*».

Он застонал от отчаяния. В следующий миг перед мысленным взором пронеслись отрывки воспоминаний о событиях последних пяти дней. Перл умудрилась завладеть сознанием Дика и преодолела отведенные ей границы ночного существования. Коварно воспользовавшись его взвинченным состоянием, она устроила жестокую забаву.

Дик схватил газету и стал внимательно читать статью. Слова «*воодушевляющая*» и «*патриотическая*» не в состоянии описать ярый шовинизм Перл! А стиль! Бог ты мой, неужели Дик нес ответственность, пусть и косвенную, за ее текст? Ответственность за чужие слова – порождения жуткой комнаты Синей бороды, скрытой в его собственном мозгу! Увы, ответственность нес он, и отрицать это не имело смысла.

Литературные опусы Перл никогда не волновали Дика. Он давно перестал читать то, что выходило из-под ее пера. Его интересовал только один аспект, имевший отношение к Перл, – баланс на счету в банке. Однако сейчас она вторглась в священные пределы его личной жизни. Бесцеремонно растоптала самые дорогие сердцу идеи, обманула доверие. Перл Беллер представляла опасность для общества!.. Ситуация вырисовывалась очень тревожная.

Весь остаток дня Дик предавался унынию, размышляя, то ли покончить с собой, то ли выпить до смерти. Впрочем, оба варианта казались не самыми удачными. Вечером Дика наконец осенила блестящая мысль: надо обратиться к Роджерсу! Роджерс знал о психологии все, по крайней мере, из книг Фрейда⁵³, Юнга⁵⁴, Мортон Принса⁵⁵ и им подобных. Он периодически устраивал своим друзьям сеансы гипноза и даже пытался строить из себя психотера-

⁵³ Зигмунд Фрейд (1856–1939) – австрийский психоаналитик, психиатр и невролог, основатель психоанализа.

⁵⁴ Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог и философ, основатель аналитической психологии, автор знаменитой концепции психологических типов личности (интроверт – экстраверт). Ученик Фрейда, однако в процессе практической работы постепенно пришел к расхождению во взглядах с учителем.

⁵⁵ Мортон Принс (1854–1929) – американский невропатолог. В частности, занимался изучением феноменов множественной личности («диссоциации личности») и автоматического (самопроизвольного) письма.

певта-любителя. Роджерс поможет утихомирить Перл. Дик торопливо перекусил и отправился к нему в Кенсингтон⁵⁶.

Роджерс восседал за столом, на котором лежал огромный развернутый фолиант. Лампа для чтения, служившая единственным источником света в комнате, ярко озаряла одну сторону бледного пухлого лица в очках, оставляя вторую в густой темноте (за исключением небольшой золотистой полоски на мясистой складке в уголке рта). Гигантская тень от сидящей фигуры падала на пол и взбиралась по стене, от плеч и выше сливаясь с общим мраком, царившим в комнате.

– Добрый вечер, Роджерс, – устало поздоровался Дик. – Пытаешься изобразить рембрандтовского «Христа в Эммаусе» с помощью эффектной игры света и тени?

– Польщен, что ты решил заглянуть, Гринау, – нервно захихикав, ответил тот.

– Как дела в министерстве торговли? – поинтересовался Дик. (Роджерс был государственным чиновником.)

– Говоря словами «Дэйли мейл», «все в порядке», – засмеялся Роджерс, словно после удачной шутки.

Побеседовав для приличия о том о сем, Дик постепенно вывел разговор на себя.

– Похоже, я превращаюсь в неврастеника, – как бы невзначай заметил он. – Приступы депрессии, нейропатические боли, слабость, апатия. Хочу посоветоваться с тобой как со специалистом. Прошу, выяви мои скрытые комплексы, проанализируй меня – короче говоря, подвергни полной лоботомии.

Роджерс просиял.

– Увы, я лишь жалкий любитель, но сделаю все, что смогу, – с напускной скромностью ответил он.

– Я в твоём распоряжении, – заявил Дик.

– Расслабь мышцы и ни о чем не думай, – усадив его в большое кресло, скомандовал Роджерс.

Дик сполз в кресле и вяло смотрел, как тот готовится к сеансу. Инструментарий Роджерса ограничивался блокнотом и секундомером.

– А теперь слушай внимательно, – мрачно сказал сидевший за столом Роджерс. – Я зачитаю вслух список слов. После каждого услышанного слова ты должен произнести первое, что придет в голову. Самое первое, каким бы глупым оно ни казалось. Говори сразу, не раздумывая. А я стану записывать то, что ты скажешь, и засекаю время между каждым словом из списка и ответом.

Роджерс всегда начинал анализ с семьи. Поскольку источник большинства комплексов и странностей кроется именно в детстве, желательно начинать обследование с тех, кто окружал пациента в самом раннем возрасте.

Он прочистил горло, а потом громко и четко произнес:

– Мать.

– Умерла, – мгновенно ответил Дик. Он едва знал ее.

– Отец.

– Скучный. – (Интервал составил чуть больше секунды.)

– Сестра. – Роджерс наострил уши: это слово было связано с его излюбленной теорией кровосмесительного влечения.

– Фабианское общество, – среагировал Дик. (Две секунды ровно.)

Ответ слегка разочаровал Роджерса. Зато следующая ассоциация его приятно удивила и заинтриговала.

– Тетя.

⁵⁶ Кенсингтон – один из престижных районов в западной части центрального Лондона.

Шли секунды. В комнате царило молчание. Наконец перед мысленным взором Дика вспыхнула яркая картинка: он, одетый в зеленый бархат и кружево очаровательный мальш, сидит на коленях у тетушки Лу и выстраивает игрушечных солдатиков на корсаже ее платья, скрывавшего столь внушительный бюст, что формы тетушки в этом месте напоминали широкую столешницу.

– Бюст, – проговорил он.

Роджерс записал ответ и подчеркнул. Почти семь секунд: знаменательная пауза. Далее он перешел к перечню возможных событий, которые могли спровоцировать нервное потрясение.

– Огонь.

– Уголь.

– Море.

– Тошнота.

– Поезд.

– Запах.

И все в таком духе. Дик давал ничем не примечательные ответы. Катастрофы его явно миновали. Настало время атаковать бастион самого сокровенного, а именно секса.

– Женщины.

Повисла довольно продолжительная пауза (четыре секунды), и Дик наконец отозвался:

– Писательница.

Роджерс был озадачен.

– Грудь.

– Цыплята.

И снова мимо. Никаких симптомов болезненного пуританства, приводящего к подавленным сексуальным желаниям и депрессии. Возможно, источник недуга коренился в вопросах религии.

– Христос.

– Аминь.

– Бог.

Дик молчал: в голове было совершенно пусто. Кажется, это слово не вызывало у него ни единой ассоциации. Бог. Бог. Долгое время сознание не отзывалось, но в какой-то момент перед глазами возник образ Уилла Боггарта, парнишки из Оксфорда, которого все звали Богги.

– Боггарт. – (Чуть больше десяти секунд.)

Далее прозвучали еще несколько слов на разные темы, и список подошел к концу. Дик внезапно погрузился в некое подобие гипнотического сна. Роджерс задумчиво изучал записи в блокноте и время от времени заглядывал в справочник. Примерно через полчаса он разбудил Дика и объявил результаты обследования. По мнению Роджерса, у Дика с ранних лет развилось (осознанное или неосознанное) влечение к тетушке. Все точно по Фрейду. В более поздние годы Дик якобы испытывал почти религиозное по своей пылкости чувство к некому человеку по фамилии Боггарт. В итоге Роджерс пришел к выводу, что причина нервного срыва Дика обусловлена одним из этих эпизодов. Роджерс предложил провести более глубокий анализ в целях поиска адекватного лечения. Дик поблагодарил приятеля и, рассудив, что игра не стоила свеч, отправился домой.

VII

Миллисента организовывала больничный склад медикаментов и работала без устали с утра до вечера. Шел октябрь. Дик не виделся с сестрой со дня отъезда из Шотландии, когда узнал об объявлении войны. Последнее время он был слишком занят своими проблемами, чтобы думать о ком-то еще. Сегодня Дик решил поехать к ней.

Под склад Миллисента конфисковала у еврейской семьи огромный особняк в Кенсингтоне, который те отдали якобы из патриотических соображений, а на самом деле желая избежать неприятностей, связанных с национальным вопросом. Там Дик и нашел сестру. Она сидела в своем кабинете за столом, заваленным бумагами, – молодая, солидная, красивая и строгая.

– Трудисься на благо победы, – заметил Дик, входя в кабинет.

– А ты, судя по всему, нет, – ответила Миллисента.

– Я по-прежнему верен своим идеалам.

– Я тоже.

– Увы, мы верим в разное, друг мой. Увы, – с грустью в голосе произнес Дик.

– Может, нам устроить ссору? – задумчиво проговорила Миллисента.

– Полагаю, мы в состоянии ограничиться вежливой холодностью, по крайней мере, на время.

– Холодность. Очень хорошо!

– Вежливая холодность.

– Договорились. Предлагаю начать прямо сейчас: мне нужно работать. До свидания, Дик. Да хранит тебя Бог! Не пропадай насовсем, иногда давай знать, как твои дела.

– Зато как твои дела, даже спрашивать не надо, – грустно улыбнулся Дик, пожимая сестре руку на прощанье. – Ты всегда упрямо шла к своей цели... напролом. – С этими словами он вышел.

Миллисента с удвоенным рвением принялась за документы; между бровей у нее залегла небольшая складка. Спускаясь по лестнице, Дик прикидывал, что в следующий раз они с сестрой увидятся через год, не раньше. Честно говоря, он не особенно переживал из-за размолвки с ней. День ото дня окружающие люди становились все менее значимы для Дика, постепенно превращаясь в бестелесных духов. Он все глубже погружался в себя, теряя связи с внешним миром. Единственным человеком, который еще хоть что-то значил для Дика, был Хайман из «Уикли интернэшнл».

В первые месяцы войны, когда Дик боролся с Перл Беллер, именно Хайман спасал его от депрессии и самоубийства. Каждую неделю он поручал Дику писать длинную статью, тащил в редакцию, заставляя работать над передовицей. Словом, так нагружал работой, что у Дика просто не оставалось свободного времени на тяжкие раздумья о своих неразрешимых проблемах. Пламенный, искренний энтузиазм Хаймана иногда заражал даже Дика. Он опять обретал вкус к жизни, понимал, что цель достойна борьбы. К сожалению, запал вскоре угасал, ибо демон вновь начинал терзать его душу. Перл Беллер сдаваться не собиралась. Ей хотелось большего, чем несколько жалких ночных часов. Она пыталась заполучить неограниченную свободу. Всякий раз, стоило Дику заболеть или переутомиться, Перл вырывалась из-под контроля и завладевала его сознанием. И лишь восстановив силы, Дик мог поставить ее на место и снова быть самим собой.

А какие статьи писала Перл! Какие короткие рассказы! Какие песни для новобранцев!.. Дик не осмеливался даже взглянуть на ее творения, настолько они были ужасны.

VIII

Месяцы сменяли друг друга. Чем дольше шла война, тем, казалось, дольше она будет длиться. Дик кое-как поддерживал существование. И вот впереди замаячила угроза всеобщей мобилизации. Они с Хайманом тут же развернули на страницах «Уикли интернэшнл» масштабную антимиобилизационную кампанию. Дик чувствовал себя почти счастливым, впервые принимая участие в столь активной работе: она заряжала энергией и одновременно успокаивала. Для человека, склонного к самокопанию и депрессиям, боль – лучшее лекарство. Дик

радовался бесконечным поездкам, с удовольствием выступал перед разношерстной публикой в полутемных залах и церквях. Беседовал с самыми активными членами всевозможных христианских сект – поборниками мира, которые плевать хотели на благоденствие человечества, зато были всецело озабочены спасением собственной души и не желали иметь ни малейшего отношения к кровопролитию.

Дик наслаждался чувством власти, когда страстной речью зажигал сердца людей или стойко отражал нападки несогласных. Он с восторгом принимал все – даже когда ему разбил нос один патриот, специально подосланный крупной вечерней газетой, чтобы сорвать выступление. Тогда все это невероятно будоражило и казалось очень важным. Однако по прошествии времени, оглядываясь назад, Дик видел лишь череду пустых и бесполезных дней. Что осталось от той бурной деятельности? Ничего, ровным счетом ничего. Страсти утихли, растревоженный муравейник вернулся к прежней жизни. Трудовые подвиги Дика обратились в прах. Он понял, что нет ничего постоянного и действительно стоящего, кроме мысли. Но даже этой способности Дик почти лишился! Если рассудок не был занят текущей деятельностью, он болезненно обращался против себя.

Глядя на свою рукопись, Дик размышлял, сможет ли он продолжить работу над задуманной книгой. Вряд ли. Неужели придется весь остаток жизни влачить жалкое скотское существование, сосредоточенное лишь на ежедневной рутине? И даже здесь имелся свой предел – малейшее физическое переутомление (к сожалению, он стал быстро уставать) пробуждало Перл Беллер. Она, словно сидящая в засаде голодная тигрица, мгновенно набрасывалась на Дика и завладевала его сознанием. А дальше Дик просто исчезал, переставал существовать как личность, и так могло пройти несколько часов или даже дней. За это время Перл Беллер с чудовищным усердием выполняла известную лишь ей одной программу.

Антимобилизационные кампании Дика вдруг прерывались, а сам он куда-то пропадал. Затем неожиданно появлялся, объясняя свое отсутствие невнятными историями о приключившейся болезни или срочных делах личного характера. Друзья лишь сокрушенно качали головами, прикидывая, к какому из благородных пороков втайне пристрастился бедняга Гринау. Одни винили во всем алкоголь, другие – женщин, третьи – опиум, четвертые намекали на вещи, гораздо более темные и ужасные. Однажды, когда Дик вернулся в редакцию после очередной трехдневной отлучки, Хайман спросил напрямик, в чем дело.

Дик болезненно покраснел.

– Это не то, о чем ты думаешь, – наконец выдавил он.

– Тогда что же? – не унимался редактор.

– Позволь оставить твой вопрос без ответа, – в отчаянии проговорил Дик. – Клянусь, я не замешан ни в чем предосудительном. И умоляю, не спрашивай меня больше.

Хайману лишь оставалось довольствоваться услышанным.

IX

Одним из тактических маневров, предпринятых руководством антимобилизационной кампании, стало основание клуба, где могли собираться пацифисты и любые прогрессивно мыслящие люди.

– Наш клуб станет интеллектуальным центром Лондона! – воскликнул искрящийся оптимизмом Хайман.

Дик лишь молча пожал плечами: у него имелся богатый опыт общения с пацифистами.

– Главное – собрать людей вместе, а уж они заразят друг друга решительностью и верой в успех!

– Да, – с кислым видом произнес Дик. – Стоит сбить людей в кучку, и им можно внушить, что они – великая сила.

– Дружище, они действительно великая и грозная сила! – энергично жестикулируя, воскликнул Хайман.

Дик позволил уговорить себя, хоть и осознавал: ничего путного из этой затеи не выйдет. Впрочем, вера, несмотря на свою иллюзорность, вполне способна поселить мир в душе.

Клубу долго не могли придумать подходящее название. Дик предлагал наречь его «Клубом Склописа»⁵⁷.

– Только послушайте, как приятно звучит: Склопис! Склопис! – повторял он.

К сожалению, остальные члены организационного комитета не оценили всю прелесть этого варианта. Им хотелось, чтобы название непременно несло в себе ошутимый смысл.

– Давайте окрестим наше детище «Клуб для всех», – высказалась одна дама.

– Только не это! – с жаром воскликнул Дик.

– Мне казалось, что «Клуб для всех» звучит красиво и жизнеутверждающе, но, если мистер Гринау принципиально против, не смею настаивать, – ретировалась дама.

Хайман вынес на обсуждение вариант «Клуб пацифистов», который члены комитета отклонили как слишком вызывающий. В итоге все сошлись на названии «Клуб ноябристов», поскольку стоял ноябрь и никто не смог придумать ничего более удачного.

Торжественный обед в честь открытия «Клуба ноябристов» состоялся в ресторане «Пикколомини». Формально это заведение находилось в Сохо⁵⁸, однако несколько отличалось от местных ресторанов. «Пикколомини» напоминал нечто среднее между недорогим кафе и огромным ресторанно-развлекательным комплексом. На редкость неудачный гибрид соединял в себе худшие черты обоих родителей: грязь и плохое обслуживание дешевой забегаловки Сохо и большие размеры плюс вульгарность чего-нибудь вроде «Лайонс»⁵⁹. Наверху имелся отдельный зал, обычно используемый для коллективных христианских трапез. Здесь одним темным дождливым днем и собрались ноябристы.

Дик приехал одним из первых и, расположившись неподалеку от двери, наблюдал за прибытием остальных членов клуба. Их вид ему не понравился. «Средний класс», – мелькнуло в голове. Дик мгновенно почувствовал укол совести за подобную мысль. Увы, пришлось признать: он не испытывал симпатии ни к среднему классу со всеми его прослойками, ни к простому народу. По сути, Дик, конечно же, был эксплуататором – образованным, культурным – и тем не менее эксплуататором.

Обед начался. Все, вплоть до малейших деталей, выглядело крайне подозрительно. Например, ложки, сделанные из дешевого металла, очень легкие и тонкие – казалось, они вот-вот растают в супе. И этого можно было бы опасаться, если бы суп перед подачей хоть немного подогрели. Сама пища выглядела как густая жирная масса. Дик даже представить боялся, что скрывается на тарелке под щедрой порцией соуса. Вино отличалось непередаваемым послевкусием, которое еще долго сохранялось во рту, как запах меди или угольного дыма.

С самого детства Дик страдал от избыточных физиологических реакций, сопровождавших эмоции, – от страха и застенчивости накатывала слабость, а отвращение вызывало сильнейшее чувство тошноты. Сейчас за столом он испытывал именно отвращение. С появлением

⁵⁷ Склопис де Салерано (1798–1878) – итальянский государственный деятель и ученый.

⁵⁸ Сохо – район Лондона. В отличие от престижных соседних кварталов, в частности Блумсбери, в Сохо селились в основном иммигранты и низшие слои населения. В XIX веке зажиточные горожане окончательно покинули квартал, и Сохо стал пристанищем публичных домов, небольших театров и других увеселительных заведений. Район известен многочисленными ресторанами. С началом XX века в Сохо появились недорогие кафе, которые стали местом встреч представителей богемы – художников, музыкантов, писателей.

⁵⁹ «Лайонс» (J. Lyons & Co.) – основанная в 1884 году британская торговая фирма, в арсенал которой входила ресторанная сеть, производство продуктов питания и отельный конгломерат. Помимо прочего в 1909 году фирма организовала крупные многоэтажные ресторанно-развлекательные комплексы, находившиеся в угловых домах (Corner Houses), с обслуживающим персоналом до четырехсот человек.

каждого нового блюда лицо Дика становилось все бледнее, а вино, вместо того чтобы взбодрить, лишь ухудшило самочувствие.

Остальные поглощали еду с отменным аппетитом. Слева от Дика сидела мисс Гиббс, соединившая в своем ярком наряде несочетаемые цвета, что создавало ощущение некой футуристичности облика. Соседом справа оказался мистер Кто-то-там в пенсне и с сильно благоухающими волосами. Мистер Кто-то-там был поэтом (по крайней мере, так его представили собравшимся). Мисс Гиббс, как и большинство приглашенных на обед, принадлежала к интеллигенции. *Низшие классы, низшие классы...*

– Интересуетесь современным театром? – обращаясь к Дику, сладким голосом пропел мистер Кто-то-там. Слишком сладким, приторно-сладким голосом!

– Весьма.

– Я тоже, – подключился к разговору мистер Тингамми. – Я вице-президент содружества театральных мастерских «Лига радости». Возможно, вы о нас слышали.

Дик отрицательно покачал головой. Вечер становился невыносимым.

– Цель «Лиги радости», – продолжал мистер Тингамми, – а точнее, одна из многочисленных целей – организация небольших театров во всех городах и деревнях Англии, чтобы зрители наслаждались простыми, воодушевляющими, красивыми постановками. Людям сейчас так не хватает радости.

– У них уже есть кино и мюзик-холлы, – Дика внезапно охватило беспричинное раздражение, – и они достаточно радуются шуткам комиков и женских ножкам.

– Но позвольте, ведь это низменная, так сказать, «грязная» радость, – запротестовал мистер Как-его-там.

«Грязно-фиолетовый – любимый оттенок Герберта Спенсера»⁶⁰, – невпопад пронеслось у Дика в голове.

– Лично мне пара женских ножек доставит гораздо больше радости, чем любые воодушевляющие пьесы, которые, скорее всего, пойдут в ваших театрах. Люди просят секс, а вы даете им камень, – произнес он вслух.

Отчего правильные слова звучали из уст этих людей настолько дешево и фальшиво? Благородное обесценивалось, красота превращалась в порок. У собеседников Дика был совершенной иной менталитет. Ничего не поделаешь – низшие классы. Когда говорили о войне и об Интернационале, у Дика в груди кипящей волной поднимался шовинизм. Чтобы не наговорить глупостей, он предпочел молчать.

Мисс Гиббс завела речь об искусстве. Она назвала все правильные имена, и Дик признался, что считает сэра Люка Филдса⁶¹ лучшим художником современности. Но когда чуть позже выяснилось, что мистер Кто-то-там читал поэмы Фулька Гревилла, барона Брука⁶², то Дик почувствовал жгучее раздражение.

– Возможно, вы и читали поэмы Гревилла, но вряд ли смогли их понять и по достоинству оценить, – не удержался Дик.

Низшие классы... Как просты и красивы идеи равноправия и справедливости в теории! Увы, на практике все портят люди. Благоразумие призывало Дика верить в демократию, интернационализм и революцию. Нравственные принципы требовали справедливости для угнетенных. Однако ни благоразумие, ни нравственные принципы не могли заставить его испытать удовольствие от общения с демократами и революционерами или избавиться от неприязни к угнетенным.

⁶⁰ Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ и социолог.

⁶¹ Сэр Люк Филдс (1844–1927) – английский художник-иллюстратор. В 80-х годах XIX столетия становится портретистом и на этом поприще к 1900 году превращается в одного из самых успешных и высокооплачиваемых художников Англии, в частности пишет портреты нескольких членов королевской семьи. В 1906 году его посвящают в рыцари.

⁶² Фульк Гревилл, барон Брук (1554–1628) – поэт, драматург и государственный деятель елизаветинской эпохи.

Под конец тошнотворного обеда Дика попросили произнести речь. Поднимаясь со стула, он медлил и колебался, в голову ничего не приходило. А потом неожиданно снизошло вдохновение. Подобно мощному порыву ветра в сознание ворвались великие идеи Демократии и Справедливости, унося прочь все мелкие личные предпочтения и антипатии. В сердце зажегся священный огонь. Дик говорил страстно, увлеченно, полностью завладев вниманием публики, заражая слушателей своим энтузиазмом. Он уселся на место под гром аплодисментов. Мисс Гиббс и мистер Тингамми повернулись к Дику с сияющими, раскрасневшимися лицами.

– Это было превосходно, мистер Гринау! Никогда не слышала ничего подобного! – воскликнула растроганная до глубины души мисс Гиббс.

Мистер Тингамми произнес что-то про Трубный глас. Дик смотрел на них, словно видел в первый раз. Так вот перед кем он распинался! Боже милосердный...

Х

Жизнь Дика превратилась в непрекращающийся кошмар. Одна и та же дикая ситуация повторялась вновь и вновь. Он точно знал: Перл Беллер напрочь лишена чувства юмора, иначе заподозрил бы, что она над ним просто потешается – слишком уж нелепыми становились особенности двойной жизни. Нелепыми и печальными, невыносимо печальными. Ситуации, которые в теории полны романтики и приключений, на деле, к сожалению, зачастую оказываются нудной рутинной, как день банковского служащего. С точки зрения читателя, двойная жизнь в стиле Джекила и Хайда выглядит потрясающе интересной, однако, если вы попробуете ее на своей шкуре, как пришлось Дику, то такое существование больше напоминает бесконечный фильм ужасов.

В положенный срок Дика вызвали военные власти. Он заявил, что отказывается от несения службы по убеждениям совести⁶³. Вскоре Дик получил повестку с указанием даты, когда ему полагалось предстать перед военным трибуналом. Он очень не хотел оказаться в роли христианского мученика – что за дикий пережиток прошлого! И тем не менее ему придется через это пройти. Дик объявит себя абсолютистом⁶⁴. В ответ посыпятся обвинения во всех смертных грехах, сопровождаемые угрозой загадочных «принудительных работ». Очень неприятно, но все-таки не хуже того кошмара, в который превратилась его жизнь. Дик не возражал бы и против смертного приговора. Жить или умереть – он уже не видел никакой разницы.

Дни, остававшиеся до заседания трибунала, пролетели в хлопотах: Дик консультировался с адвокатами, готовил речь, искал свидетелей.

– Уж мы зададим жару! – горячился Хайман. – Надеюсь, Гринау, когда дело дойдет до приговора, им будет хоть немного не по себе.

– Увы, не настолько, насколько мне, – с грустной улыбкой ответил Дик.

Военный трибунал южного Мэрилебона⁶⁵ заседал в мрачной зловонной комнате в здании полицейского участка. Дик, очень чувствительный ко всему окружающему, войдя туда, сразу же ощутил, как мгновенно усилилось волнение и накатила усталость. Пятерых или шестерых несчастных, имевших парализованную мать или являвшихся единственными кормильцами в семье, довольно быстро отпустили. Наконец перед судьями предстал Дик. Он огляделся вокруг,

⁶³ Отказник по убеждениям совести – человек, который считает аморальным убийство людей на войне и отказывается от военной службы по этическим или религиозным соображениям. Во время Первой мировой войны Великобритания первой законодательно признала право на отказ от военной службы по пацифистским убеждениям. Отказникам давали освобождение от службы в действующей армии с прохождением альтернативной службы в небоевых частях, например в санитарной. Несогласным взамен предлагали обязательную гражданскую службу.

⁶⁴ Абсолютисты – те, кто выказывал крайнюю форму протеста, не желая работать в любой сфере, связанной с войной. В Великобритании во время Первой мировой войны абсолютистов отправляли в тюрьмы.

⁶⁵ Мэрилебон – аристократический район центрального Лондона.

кивнул Хайману, улыбнулся Миллисенте (которая решила устроить временное перемирие ради того, чтобы увидеть, как осудят брата), поймал еще несколько сочувственных взглядов. На Дика смотрели так, будто его собирались казнить на электрическом стуле!

С предварительными формальностями разбирались недолго. Дик отвечал громко и уверенно. Затем поднялся военный представитель – казалось, его фигура стала зловеще огромной. Обязанности военного представителя исполнял помощник адвоката, одетый в форму лейтенанта службы тылового обеспечения. Он говорил не просто красиво – его речь отличалась благородством, утонченностью, аристократизмом. Дик пытался вспомнить, когда в последний раз слышал такой правильный язык. Наконец в памяти всплыл один из дней, когда он еще учился в Оксфорде. Как-то на каникулах Дик отправился на эстрадный концерт, который давали дважды за вечер. В наличии всегда имелись недорогие билеты на места, освободившиеся после старшекурсников. Один из выступавших, молодой человек, которого прозвали Орех, видимо, потомок знатного и богатого рода, появлялся на сцене во фраке из дорогой ткани и с неизменным моноклем. Он пел песню, танцевал, что-то тараторил. Сидя в первом ряду партера, Дик явственно видел огромные, как орехи, опухшие лимфоузлы на его шее. Когда парень пел или танцевал, они мерзко дрожали. Отвратительные, уродливые шишки и несчастный обезображенный молодой человек. Когда снова заговорил военный представитель, Дик уловил отголоски безупречного Итонско-Оксфордского⁶⁶ выговора того несчастного калеки. Это здорово нервировало.

– Каково ваше вероисповедание, мистер Гринау? – осведомился военный представитель.

Дик, словно под гипнозом, стал всматриваться, нет ли у представителя шишек на шее. Лейтенанту пришлось повторить вопрос более резким тоном. Раздражение вернуло его голосу более естественное чуть носовое звучание. Наваждение пропало, и Дик пришел в себя.

– У меня нет вероисповедания, – проговорил он.

– Но, сэр, должны же вы исповедовать хоть какую-то религию.

– Если я непременно *должен*, если таково требование армейского устава, запишите, пожалуйста, что я альбигоец⁶⁷, или богомил⁶⁸, или нет, лучше манихей⁶⁹. В суде связь с реальностью ощущается особенно остро и приходит четкое осознание, что зло очень сильно и зачастую гораздо сильнее добра.

– Это к делу не относится, мистер Гринау, – вмешался председатель.

– Прошу прощения, – произнес Дик.

– В таком случае, если ваш отказ от несения службы продиктован не религиозными соображениями, то чем же?

– Мой отказ основывается на убеждении, что война – абсолютное зло. Солидарность человечества может быть достигнута единственно объединением усилий против военных действий, где бы и как они ни проявлялись.

– Вы не верите в силу, мистер Гринау?

– С тем же успехом вы могли бы спросить, подвергаю ли я сомнению силу гравитации. Безусловно, я верю в силу: это неоспоримый факт.

– Что бы вы предприняли, увидев, как немецкий солдат пытается осквернить честь вашей сестры? – раздался убийственный вопрос лейтенанта.

⁶⁶ Итон – частная британская школа для мальчиков. Одно из самых известных учебных заведений в Великобритании.

⁶⁷ Альбигойцы – еретическая секта XII в. на юге Франции, не признававшая власти папы, отвергавшая воскресение мертвых, рай и ад.

⁶⁸ Богомилы – возникшее на Балканах еретическое движение в христианстве X–XV веков.

⁶⁹ Манихеи – еретическое религиозно-философское течение, возникшее в III в. на Ближнем Востоке и распространившееся в III–XI веках от Северной Африки до Китая. В отличие от христианства манихейство учит, что зло – начало столь же самостоятельное и исконное, как и добро.

– Думаю, стоит поинтересоваться у нее самой, – предложил Дик. – В данный момент моя сестра сидит позади вас.

Военный представитель смутился. Он откашлялся и прочистил нос. Слушание продолжилось. Дик произнес речь, военный представитель произнес речь, председатель произнес речь. Атмосфера в зале суда сгустилась. Дик задыхался в спертом воздухе, к горлу беспрестанно подступала тошнота. И вдруг навалилось странное оцепенение, Дика уже ничто не волновало – ни слушание дела, ни он сам, ни Хайман, ни Миллисента, ни даже Перл Беллер. Он ощущал только страшную усталость. В ушах жужжали голоса – то чужие, то его собственный. Дик не слушал, он ужасно устал от этой глупой болтовни, устал от духоты и жары...

* * *

Устал таскать снопы пшеницы, все в колючках чертополоха, и складывать в копны на желтой стерне. Именно во время этого занятия Дик неожиданно пришел в себя. Над головой простиралось бескрайнее кобальтово-синее небо. Сухие колкие травинки щекотали нос, и Дик немедленно начинал чихать, а глаза чесались и слезились. Вдалеке тархтела жатвенная машина. Дик огляделся: он не имел ни малейшего понятия, где находится. Но даже это было лучше, чем снова оказаться в душной комнате на заседании трибунала. И главное – больше не звучали отвратительные аристократические интонации военного представителя. В конце концов, уборка урожая – не самая плохая работа.

Медленно, шаг за шагом, Дик восстановил в памяти прошедшие события. Судя по всему, он совершил трусливый и гнусный поступок: дезертировал из-за неприятеля, предал свои принципы. От Хаймана пришло полное горького разочарования письмо: *«Почему ты не выстоял до конца? Как ты мог так поступить? Призывал других отстаивать свои убеждения даже ценой свободы, а сам ловко ускользнул на необременительную альтернативную службу в поместье у друга! Ты покрыл позором все наше движение!»* Дик почувствовал угрызения совести, но что он мог ответить? Правда казалась настолько нелепой, что в нее все равно никто бы не поверил. Самое смешное, что Дик и сам не знал, как очутился в поместье у Крома. Это все проделки Перл!

В своей комнате он обнаружил лист бумаги, исписанный крупным витиеватым женским почерком, в котором безошибочно угадывалась рука Перл. Это был набросок статьи о том, как прекрасна жизнь работниц Женской земледельческой армии: искрящиеся от росы рассветы, румяные детские лица, старомодные домики с соломенными крышами, колоритные доярки и полезная физическая нагрузка. Перл Беллер стала работницей Женской земледельческой армии – но как объяснить это Хайману?! Дик счел за лучшее вообще не отвечать на письмо.

Физический труд на ферме вызывал у него отвращение – тяжелое, грязное, монотонное, вгоняющее в депрессию занятие. Простые действия почти полностью выключали из работы головной мозг. Казалось, Дик вообще разучился думать. Он не мог ни на чем сосредоточиться, кроме всепоглощающего чувства своей неуместности. Бог не создал его Калибаном⁷⁰, чтобы собирать навоз в хлеву, а потом разбрасывать по полям. Дик был рожден для благородной роли Просперо⁷¹.

«Бан, Бан, Калибан!» – вертелись в голове насмешливые слова, пока он выкачивал из колодца воду, пилил древесину, косил траву. Еле ворочая ногами, отяжелевшими от налипших комьев грязи, Дик шел за телегой с навозом, а в такт шагам в ушах гремело, словно марш: *«Бан, Бан, Калибан! Бан, Бан...»*

⁷⁰ Калибан – раб, дикарь, персонаж пьесы «Бурия» У. Шекспира.

⁷¹ Просперо – герцог, персонаж этой же пьесы.

«*Чертов старый дурак Толстой!*» – вот фраза, которая наиболее точно отражала состояние Дика после трех месяцев физического труда и единения с матушкой-природой. Дик ненавидел работу на ферме, а другие работники ненавидели его. Они не доверяли Дику, потому что не могли его понять, принимая вызванное болезненной застенчивостью молчание за высокомерие и проявление классовой нетерпимости. Дику очень хотелось подружиться с остальными, но он совершенно не представлял, как начать разговор. За обедом Дик мучительно пытался придумать, что бы такое сказать. И даже если в голове складывалась неплохая реплика вроде: «*Похоже, корнеплоды в этом году уромятся*», он не решался произнести ее вслух. Простые слова, сказанные с изысканными интонациями аристократа, прозвучали бы как минимум глупо. Такие вещи надо говорить с крестьянским говором, со смачными согласными и характерно растянутыми гласными, как у Уильяма Барнса⁷². Догадываясь, что повторить акцент сельского жителя не удастся, Дик хранил молчание.

Пока остальные ели хлеб с сыром, ведя за столом оживленные разговоры, перемежаемые взрывами дружного хохота, Дик сидел, как статуя. Статуя, которая мечтала присоединиться к общему веселью, но не могла разомкнуть каменных губ. В те редкие случаи, когда Дик все-таки осмеливался подать голос, работники испуганно замолкали и настороженно переглядывались, словно действительно видели ожившую статую.

С другими жителями деревни общение тоже не складывалось. По вечерам, когда Дик возвращался домой после работы, за ним с улюлюканьем бежали ребятишки. Повинуясь жестокому инстинкту, они безошибочно улавливали в Дике парию – объект для насмешек и забрасывания камнями. Он был отверженным представителем другого класса, лишенным прежней защиты равных себе, чужаком с иной речью, иными привычками, «*преступником, виновным в тяжчайшем грехе перед Богом и людьми*», как говорил детям директор сельской школы, рьяно исполняя педагогический долг. Увы, Дик просто не мог не стать жертвой детских издевательств. Когда в него летели камни и куски навоза, а из детских уст сыпались непристойности, он пригибал голову и старался делать вид, что ничего не происходит. Правда, сохранять при этом чувство собственного достоинства удавалось с трудом.

Впрочем, в безотрадном существовании случались и короткие просветы. Однажды, когда Дик в очередной раз удобрял почву навозом, на тропке, бегущей посреди поля, показалась знакомая фигура. К нему приехала миссис Кравистер. Она, очевидно, остановилась в большом доме: впереди бежали две жившие в усадьбе таксы. Дик снял кепку.

– Мистер Гринау! – воскликнула миссис Кравистер, останавливаясь. – Какое счастье видеть вас снова! Физический труд – это так по-толстовски! Надеюсь, вслед за Толстым вы не измените идеалам прекрасного? Полсотни поющих крестьян он называл истинной музыкой, а «Хроматическую фантазию» Баха – невоспринимаемой какофонией.

– Я занимаюсь этим не ради удовольствия, – возразил Дик. – Как отказника по убеждениям совести меня приговорили к принудительным работам.

– Ах, да, конечно. – Миссис Кравистер подняла руку, предупреждая дальнейшие объяснения. – Я совсем забыла. Отказник по религиозным убеждениям. Теперь припоминаю, с каким рвением вы изучали Библию в школе! – Она прикрыла глаза и несколько раз кивнула.

– Ничего подобного! – тщетно пытался протестовать Дик.

Если миссис Кравистер решила, что он изучал Библию, спорить было бесполезно.

– Боже мой! Библия! Какой слог! Так мог написать лишь тот, кого озарило вдохновение свыше! Помните, Магомет говорил, что красота священных текстов является знаком их божественного происхождения? Почему до сих пор никто не сказал того же о Библии? Вам предстоит восполнить досадный пробел, мистер Гринау. Вы напишете об этом книгу. Счастливцев!

⁷² Уильям Барнс (1801–1886) – британский писатель, поэт, священник и филолог. Более всего известен тем, что свои произведения писал в основном на дорсетском западноанглийском диалекте.

– Стиль, безусловно, прекрасен, – кивнул Дик. – Однако суть оставляет желать лучшего.
– Суть не главное, – безапелляционно заявила миссис Кравистер, махнув рукой так, словно швырнула на ветер щепотку соли. – Совсем не главное. Стиль – вот что действительно важно! Помните хотя бы «Госпожу Бовари»!

– Непременно, – уверил ее Дик.

– До свидания! – Прощаясь, миссис Кравистер протянула руку. – Очень вам завидую! Посвятить себя простому труду и кропотливому изучению самой удивительной книги на свете! Если бы меня спросили, какую единственную книгу я бы взяла с собой на необитаемый остров, то услышали бы очевидный ответ: Библию. Хотя порой мне кажется, что лучше выбрать Тристрама Шенди⁷³. Всего доброго!

Миссис Кравистер медленно отправилась в обратный путь. Таксы, изо всех сил натягивая поводки, рвались вперед, словно два маленьких катера, взявшие на буксир огромный пароход. Неожиданное, хоть и недолгое, общение с вежливым культурным человеком очень приободрило Дика. Зато, когда однажды в субботу приехала Миллисента, Дик испытал смешанные чувства.

– Заехала посмотреть, как ты тут, – сообщила она. – Сейчас приведу дом в порядок, заживешь, как следует.

– Большое спасибо, – пробормотал Дик. Он не хотел, чтобы его дом приводили в порядок.

Миллисента теперь работала в Министерстве вооружений и, имея в подчинении три сотни женщин, руководила ими с непревзойденным мастерством. Дик с любопытством поглядывал на сестру, пока она рассказывала о своих достижениях. «Господи, какая у меня сестра!» – с ужасом думал он.

– Признайся, тебе нравится измываться над другими! – не выдержал Дик. – Поздравляю, ты нашла свое призвание! Теперь понятно, как будет устроен мир после войны: женщины продолжают переключать бумажки (ведь здесь требуется аккуратность, соблюдение заведенного порядка и умение влезать в чужие дела), а мужчины, очень надеюсь, посвятят себя важным государственным делам, творчеству и размышлениям! Кроме того, мужчины смогут оставаться дома и давать приличное образование детям. Мужской ум, беспристрастный и независимый, подходит для этого как нельзя лучше. Подобная система даст мужчинам возможность раскрыть свои таланты надлежащим образом. Я усматриваю тут единственный минус – вы, женщины, станете слишком деспотично управлять делами.

– Ты серьезно считаешь, что я стану спорить? – спросила Миллисента.

– Нет. Я сейчас не в форме. Разбрасывание навоза окончательно подорвало мои умственные способности.

Следующее утро Миллисента посвятила перестановке мебели в доме Дика. К обеду каждая деталь обстановки оказалась на новом месте.

– Так гораздо лучше, – заявила она, с довольным видом оглядываясь вокруг.

Неожиданно раздался стук в дверь. Отворив ее, Дик с изумлением увидел на пороге Хаймана.

– Решил заглянуть, узнать, как ты, – объяснил он.

– С тех пор, как Миллисента переставила мебель, у меня все отлично! – съязвил Дик.

Он с наслаждением пользовался возможностью поупражняться в сарказме. До прошлой виртуозности было еще далеко, однако практика, безусловно, поможет снова выдать что-нибудь по-настоящему острое и ядовитое.

⁷³ «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» – незаконченный юмористический роман Лоренса Стерна (1713–1768), наиболее известное произведение писателя.

Хайман, натянуто улыбаясь, пожал Миллисенте руку. Он испытывал раздражение, так как надеялся поговорить с Диком наедине. Повернувшись к ней спиной, Хайман заговорил с Диком.

– Мы не виделись с того рокового дня. Ну что, как прополка репы?

– Довольно паршиво, – признался Дик.

– Все-таки лучше, чем каторжные работы?

Дик вяло кивнул, догадываясь, что неизбежно последует дальше.

– Я смотрю, ты хорошо устроился, – продолжал Хайман.

– Да, ты должен радоваться, – вмешалась Миллисента.

– До сих пор не могу понять, почему ты так поступил, Гринау. В душу мне плюнул! Не ожидал от тебя, – с чувством произнес Хайман. – Это называется дезертирство! Измена!

– Поддерживаю, – голосом обвинителя произнесла Миллисента. – Он не имел права отступаться от своих принципов!

– Он не имел права отступаться от истины, верно я говорю, мисс Гринау? – Хайман обернулся к Миллисенте, радуясь появлению союзника.

– Конечно! – закивала она. – Конечно! Хотя я совершенно не согласна с вашим пониманием истины, но раз уж Дик заявил, что не желает воевать, то должен был отстаивать свои убеждения до конца и отправиться в тюрьму!

Дик с невозмутимым видом зажег трубку. Он пытался скрыть, что чувствует страшную неловкость под прицелом двух пар глаз, в которых читалось беспощадное обвинение.

– Твоя позиция, Дик, нелогична и несостоятельна, – заявила Миллисента.

Какое облегчение! Наконец-то вспомнили, что он тоже здесь!

– Уж простите, какая есть, – проворчал Дик. Не самое остроумное замечание, но он не знал, что еще сказать.

– Совершенно нелогична и несостоятельна! – Хайман грохнул кулаком по столу. – Согласен с твоей сестрой.

– Не знаю, почему ты вдруг... – начала она.

– Обещал заявить на суде, что ты абсолютист, а в итоге? – орал Хайман, перебивая Миллисенту и продолжая ее мысль.

– Как ты мог! – возмутилась Миллисента.

– Почему?! Скажи, почему?! – вторил ей Хайман.

Дик перестал нервно дымить трубкой и вынул ее изо рта. От привкуса табака начинало подташнивать.

– Прошу, остановитесь, – устало проговорил он. – Если я назову настоящую причину, вы не поверите. А другой, столь же убедительной, я придумать не могу.

– Настоящая причина в том, что ты элементарно испугался тюрьмы!

Дик откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Хайман и Миллисента продолжали обсуждать его, но содержание беседы Дика не интересовало. Он даже не прислушивался.

Вечером Хайман и Миллисента уехали в Лондон вместе.

– Твоя сестра очень разумная женщина, – заметил Хайман, прощаясь с Диком. – Жаль, что она не на той стороне баррикад.

Четыре недели спустя Дик получил от Хаймана письмо, в котором сообщалось, что они с Миллисентой собираются пожениться. «Рад, что вы познакомились благодаря мне», – написал Дик в ответном поздравительном письме. Именно так сказал бы древнеримский христианский мученик паре львов, перед тем как погибнуть от их клыков и когтей на арене цирка.

* * *

В один из теплых летних дней 1918 года мистера Хобарта, служащего муниципалитета городка Уибли, оторвал от дел неожиданный визит невысокого темноволосого мужчины. Несмотря на вельветовые брюки и гетры, вошедший не был похож на настоящего сельского труженика.

– Чем могу помочь? – осведомился мистер Хобарт.

– Я по поводу голосования, – ответил темноволосый мужчина.

– Разве вас еще не зарегистрировали?

– Пока нет. Ведь закон⁷⁴, дающий нам право голоса, принят совсем недавно.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю. – Мистер Хобарт оторопело уставился на незнакомца.

– По моему виду, наверное, не скажешь, – темноволосый мужчина слегка наклонил голову набок, кокетливо глядя на мистера Хобарта, – но хочу вам признаться, мистер... мистер...

– Хобарт, – подсказал тот.

– Мистер Хобарт, я женщина старше тридцати.

Лицо служащего муниципалитета сделалось заметно блее. Затем, придя в себя, он выдавил улыбку и тоном, каким обычно говорят с ребенком или избалованным животным, произнес:

– Понятно, понятно. Старше тридцати. Кто бы мог подумать!

Мистер Хобарт быстро взглянул на звонок, расположенный над камином в другом конце комнаты, прикидывая, как бы вызвать помощь, не возбуждив подозрений маньяка.

– Старше тридцати. Теперь вы знаете мой маленький женский секрет! – игриво улыбнулся темноволосый мужчина. – Меня зовут Перл Беллер. Я писательница. Возможно, вы читали некоторые мои книги. Или не приходилось?

– Кое-что читал. – Мистер Хобарт улыбнулся еще шире, в его голосе зазвучали ласковые нотки.

– Значит, мы с вами уже друзья, мистер Хобарт! Каждый, кто знаком с моими книгами, знаком со мной: я вкладываю в них всю душу! А теперь расскажите скорее про мой бедный маленький голос. Обещаю, на выборах я буду помнить о Родине!

Подходящий момент настал.

– Конечно, мисс Беллер! – сказал мистер Хобарт, поднимаясь из-за стола. – Сейчас я вызову помощника, и мы э-э-э... обязательно вас зарегистрируем.

Он пересек комнату и начал яростно жать на кнопку звонка.

– Я только проверю, чтобы нам принесли нужные книги, – добавил мистер Хобарт и пулей вылетел за дверь.

Очувшись в коридоре, он облегченно выдохнул и вытер взмокшее лицо. Боже правый, этот псих в кабинете явно опасен!

* * *

Следующим утром Дик проснулся в комнате с белыми стенами. Узкая железная кровать, умывальник, стул и стол – вот то небольшое, что там стояло. Дик с любопытством осмотрелся: интересно, куда его занесло на сей раз? Подергал дверь. Заперто. Скорее всего, это военные

⁷⁴ Закон 1918 года, согласно которому право голоса предоставлялось всем женщинам Великобритании, достигшим 30-летнего возраста.

баракы, и его уpekли сюда по ошибке, не посмотрев на свидетельство об освобождении от службы. А может, Перл записалась в армию?

Дик посмотрел в окно: оно было зарешечено. Во дворе ходили люди. Нет, не солдаты, как он ожидал, а странного вида женщины и мужчины, которые бесцельно слонялись туда-сюда. «Любопытно, – подумал Дик. – Очень любопытно». Двор огораживала необычно высокая стена, за которой проходили железнодорожные пути, а чуть дальше виднелись черепичные и соломенные крыши деревенских домов и острый шпиль церкви посередине. Дик присмотрелся повнимательнее. Ну, конечно! Медные пластины, покрывавшие шпиль, и позолоченный корабль-флюгер наверху, и знакомая горгулья на углу башни – он узнал церковь Белбери. Кстати, в Белбери находилась... Нет, нет! Поначалу Дик отменил нелепую мысль. Он снова взглянул на обнесенный высокой стеной двор, по которому бродили подозрительные личности. Последние сомнения отпали: в Белбери находилась психиатрическая лечебница, куда свозили больных со всего графства.

Дик часто видел из окна поезда огромное мрачное здание из розового кирпича рядом с железной дорогой, по другую сторону которой лежала деревушка Белбери и церковь с медным шпилем. Он вспомнил, как, в очередной раз проезжая мимо, размышлял, что происходит за высоким забором лечебницы. Это заведение представлялось Дику столь же таинственным и недостижимым, как тибетская Лхаса или дамская уборная. И вот теперь он находился здесь, среди сумасшедших, и смотрел на мир сквозь зарешеченное окно. Это все наделала Перл, опять! Если бы не решетки, Дик выбросился бы из окна.

Он сел на кровать и задумался, что делать дальше. Придется очень внимательно следить за своим поведением и речью. Нужно показать, что он совершенно адекватен и не должен находиться среди психически нездоровых людей. Главное – вести себя с достоинством. Как только войдет санитар или доктор – кто угодно, – он встанет и с суровым спокойствием произнесет: *«Будьте любезны, объясните, где моя одежда и на каком основании меня здесь удерживают?»* Они, конечно, очень удивятся.

Почти целый час Дик повторял фразу и принимал благородные позы. Внезапно кто-то вставил снаружи ключ в замочную скважину, щелкнул замок. Дик поспешно сел на кровать. Дверь распахнулась, и в палату энергично вошел невысокий мужчина лет сорока с чисто выбритым лицом и в пенсне. За незнакомцем следовали сиделка и санитар. Доктор! У Дика лихорадочно забилось сердце. Он чувствовал себя дебютантом в плохо отрепетированной постановке.

Дик неуверенно поднялся на ноги и дрожащим от волнения голосом начал:

– Объясните любезно, моя... – Тут он понял, что запутался, и смущенно умолк.

– Вы слышали? Он назвал меня *Майя*! – обернулся к сиделке доктор. – Видимо, считает, что все вокруг тоже женщины, не только он сам.

Бодро улыбаясь Дику, доктор проговорил:

– Присядьте, мисс Беллер. Присядьте, пожалуйста.

Это было слишком. Из глаз Дика брызнули слезы, и он плашмя упал на кровать, зарывшись лицом в подушку. Его тело сотрясалось от безутешных рыданий.

Доктор, невозмутимо наблюдавший сцену, тихо сказал сиделке:

– Боюсь, здесь тяжелый случай.

Та молча кивнула.

* * *

Следующие три дня Дик отказывался есть. Это было очень неразумно, но как еще он мог выразить протест? На четвертый день доктор прописал ему принудительное кормление.

В сопровождении сиделки и двух санитаров доктор вошел к нему в палату.

– Ну же, мисс Беллер, съешьте хотя бы пару ложек этого чудесного супа. Мы пришли составить вам компанию, – произнес доктор, делая последнюю попытку уговорить трудного пациента.

– Я отказываюсь есть в знак протеста: меня удерживают здесь незаконно, – ледяным тоном заявил Дик. – Я психически здоров, так же, как любой из вас.

– Да, да, безусловно, – мягко успокаивал доктор.

Он кивнул санитарам. Один был крупный и сильный, второй – тонкий, гибкий и очень неприятный – классический второй убийца из театральной пьесы.

– Я отказываюсь есть! Вы не заставите меня! – возмутился Дик. – Пустите!!! – не на шутку разозлившись, заорал он, когда мощная ладонь большого санитаря тяжело опустилась на плечо.

– Давай без глупостей, – беззлобно сказал силач. – Хорош руками-то махать. Все равно без толку. Лучше поешь, суп очень вкусный.

– Пустите!!! – визжал Дик, полностью потеряв самообладание. – Я не позволю издеваться над собой!!!

Он рванулся изо всех сил, но большой санитар крепко обнял его за плечи, словно огромная мать, успокаивающая капризного ребенка. Дик почувствовал себя совершенно беспомощным. Борьба его измотала. Слабея с каждой минутой, он вяло отбивался ногами. Но больше ничем пошевелить не мог.

– Ну, ну, тише, тише, – ласково ворковал громила.

Тощий санитар в это время ловко накинул ремень на ноги Дика и туго затянул. Пациент был полностью обездвижен. Тогда ярость Дика выплеснулась в словах – непристойных, отвратительных, гадких. Последний раз он так ругался еще в школе.

– Руки прочь! – кричал Дик. – Пустите, черти! Сволочи! Свиньи! Сволочи! Свиньи! – снова и снова завывал Дик.

Санитары быстро привязали его ремнями к стулу, голову зафиксировали. Доктор поднес к лицу Дика жуткого вида трубки, а потом стал запихивать ему в ноздри. Дик давился, кашлял и отплевывался. Горло сдавливали рвотные спазмы, крики перешли в нечленораздельный вой. Это все равно, что говорить: «А-а-а-а!», когда корень языка прижат ложкой, только гораздо хуже. Дик казалось, что он нырнул в реку с головой и в ноздри попала вода. Ненавистные ощущения! Но даже они не шли ни в какое сравнение с тем, что Дик испытывал сейчас. До сих пор в его жизни не было ничего ужаснее.

Тщетно пытаясь освободиться, несчастный лишь окончательно выдохся. Санитарам пришлось перенести ослабевшего Дика на кровать. Он лежал на спине, не в силах пошевелить и пальцем, и смотрел в потолок. Дик словно плавал в приятной невесомости: казалось, он парит в воздухе, как бестелесный дух. Не желая расслабляться, Дик нарочно направлял свои мысли на только что пережитый кошмар. Его подвергли болезненной, гнусной пытке! Сделали жертвой чудовищной несправедливости! Дик задумался о миллионах убитых и погибающих прямо сейчас на войне, о боли всех и о боли каждого из несметного количества людей в отдельности. О боли, которую не передать словами, с которой остаешься один на один, без надежды на сострадание. О боли вечной, без начала и конца, заключенной в бранные тела, существование которых ограничено временем; о боли как таковой, не вмещенной в определенный объект; о боли, лишенной логики и смысла, затягивающей в черную пропасть отчаяния. В какой-то момент высшего откровения Дик увидел и ощутил вселенную во всем ее ужасе.

В течение двух последующих дней его снова подвергали кормлению через зонд. На четвертый день, как следствие общего стресса, у Дика началась пневмония, осложненная плевритом и острым воспалением горла. Жар и боль нашли благодатную почву в его организме. Ослабленный, Дик не мог сопротивляться болезни, и его состояние с каждым часом ухудша-

лось. Тем не менее его рассудок оставался абсолютно ясным. Дик понимал, что, скорее всего, умрет. Он попросил карандаш и бумагу и, собрав последние силы, начал писать завещание.

«Я полностью в здравом уме, – начал он и трижды подчеркнул эту фразу. – Меня удерживают здесь в следств. дичайш. ошиб. – Силы быстро убывали, и дописывать окончания длинных слов было бы непозволительной роскошью. – Меня убивают за мои убежд. Эта война, как и любые войны, – крайнее зло. Битва капиталистов. Рано или поздно демоны будут повержены. Увы, я ничем не могу помочь, но это уже неважно. – Через мгновение он добавил еще строчку. – Мир навсегда останется адом. Кап. или лейб., англ. или нем. – все сволочи. И лишь один на млн. ХОРОШИЙ. Нет, не я. Я был эгоистичным интеллектуалом. Может, Перл Беллер лучше меня. Если умру, отправьте тело в больн. морг для анат. иссл. Раз в жизни принесу пользу!»

Внезапно Дик впал в делирий. Его рассудок помутился. Вместо реальности перед глазами мелькали яркие размытые образы, порожденные больной фантазией, вспыхивали и меркли давно забытые эпизоды из детства. Над головой кружились страшные незнакомые лица, а потом Дик вдруг видел старых друзей. Он существовал в жутком водовороте знакомого и чужого. А на фоне вихря изменчивых видений почему-то двигался бесконечный караван верблюдов – процессия горбатых существ с головами горгулий и с негнущимися шеями и ногами, которые раскачивались, словно на пружинах. Как ни старался Дик, он не мог избавиться от страшного каравана. Он выходил из себя, кричал, замахивался на них – бесполезно.

– Убирайтесь вон, скоты! Проклятые уроды! Я не желаю видеть ваши кривые рожи! – орал на всю комнату Дик.

Пока он кричал и бешено размахивал рукой (исключительно левой), правая быстро писала на листке. Четкие и осмысленные слова складывались в понятные предложения. Если Дик бредил, то Перл Беллер с деловитым спокойствием продолжала свою позорную миссию. И что же выходило из-под ее неутомимого карандаша, пока Дик, словно чудаковатая Бетси Тротвуд⁷⁵, кричал на призрачных верблюдов?

Первым делом Перл вычеркнула все, что написал о войне Дик, и внизу дописала следующее: *«Мы не вложим в ножны мечи, которые нелегко...»*⁷⁶ Затем, очевидно, решив, что использование знаменитой цитаты сделает предложение длинным, слишком длинным, учитывая недавнее присоединение к списку союзников Польши и Чехословакии, она начала заново: *«Мы сражаемся за честь и права малых национальностей! За храбрую маленькую Бельгию! Мы вступили в войну с чистыми руками!»*

Обрывок мысли Перл каким-то образом проник в сознание Дика. Он перестал сражаться со своими верблюдами и громко завыл жалостным голосом: *«Чистые руки! Чистые руки! Я не могу отмыть руки! Не могу! Не могу! Не могу! Я все пачкаю!»* Дик яростно тер ладонью левой руки о простыню и, периодически поднося пальцы к носу, восклицал: *«Ох, воняет, как в хлеву!»* – а потом снова и снова тер.

А в это время правая рука безостановочно писала: *«Никакого мира с гуннами»*⁷⁷, пока они не будут сокрушены и поставлены на колени. *Еще долгие годы после войны ни один уважаю-*

⁷⁵ Бетси Тротвуд – персонаж произведения Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим».

⁷⁶ Имеется в виду речь премьер-министра Великобритании Г. Асквита, произнесенная в 1914 году: *«Мы не вложим в ножны мечи, которые нелегко обнажили, пока: Бельгия не вернет в полной мере все – и даже больше, – чем она пожертвовала; пока Франция не будет достаточно обеспечена от угрозы нашествия; пока права малых национальностей Европы не будут поставлены на непоколебимое основание; и пока военное господство Пруссии не будет разрушено вполне и окончательно».*

⁷⁷ Гунны – британцы о немцах. Для закрепления варварского образа немцев британская пропаганда называла их в СМИ гуннами. В английских городах начались немецкие погромы – разъяренная толпа крушила магазины, лавки и рестораны, принадлежавшие немцам. По Лондону ходили слухи, будто кругом полно немецких шпионов. Лишь незначительная часть образованных слоев британского общества выступила против войны и очернения образа немцев. Правительство Великобритании, не в силах обуздать народные волнения, объявило 13 мая 1915 г., что этнические немцы мужского пола призывного возраста будут интернированы в лагерь, а женщины, дети и старики – высланы из страны.

щий себя британец не подаст руки гунну. Выгнать вон немецких официантов! Интернировать сорок семь тысяч тайных агентов, пригревшихся в теплых местах!»

Внезапно Перл осенила новая идея: она взяла чистый лист и начала строчить: *«Девушкам Британии. Я женщина и горжусь этим. Но, милые мои, не раз мне приходилось краснеть за свой пол, когда я читала в газетах, что наши девушки разговаривали с пленными гуннами. И более того, позволяли себя целовать! Подумать только! Чистых, здоровых британских девушек касаются скотские, обгаренные кровью губы омерзительных гуннов! Удивительно ли, что мне стыдно за свой пол? Куда катится наше Отечество? Увы, старая добрая Англия уже не та, раз случаются подобные истории! Нет слов, чтобы выразить печаль и тяжесть, лежащую на моем страдавшемся сердце, но я вынуждена признать: эти истории не вымысел».*

– Чистые руки! Чистые руки! – бормотал Дик и, в очередной раз поднеся пальцы к носу, воскликнул: – Боже! Они воняют козлятиной и навозом!

«Есть ли оправдание такому поведению? – сам собой выводил карандаш. – Единственное возможное объяснение – легкомыслие наших девушек. Они не ведают, что творят. Я обращаюсь к девушкам всех возрастов, классов и вероисповеданий: от беспечных голубоглазых юных кокеток до закаленных в борьбе с жизненными невзгодами опытных дам. Легкомысленное поведение очаровательно, но стоит пересечь невидимую черту, и оно становится преступным! Девушка целует гунна просто так, ради забавы или из жалости, которой тот не заслуживает. Повторит ли она свой проступок, если будет знать, что бездумный поцелуй – вовсе не развлечение и не выражение неуместного, смехотворного сочувствия, а самая настоящая измена Родине? Измена – слово сильное, однако...»

Карандаш застыл в воздухе. Даже Перл начала понемногу уставать. Дик больше не кричал, его громкие возгласы превратились в едва различимый сиплый шепот. Внезапно Перл заметила просьбу Дика в случае его смерти отправить тело в больничный морг для анатомических исследований.

Собрав последние силы, она вывела крупными буквами: *«НЕТ! НЕТ! Похороните меня на маленьком сельском кладбище. И пусть на моей могиле будут мраморные ангелочки, как у принцессы Шарлотты⁷⁸ в капелле Святого Георгия в Виндзоре. Только не вскрытие. Слишком ужасно, слишком отврат...»*

Кома, отключившая сознание Дика, поглотила и разум Перл. Два часа спустя Дик Гринау умер. Пальцы правой руки все еще сжимали карандаш. Санитары выбросили листки с записями, сочтя их обычными каракулями безумца; персонал лечебницы давно привык к таким вещам.

⁷⁸ Принцесса Шарлотта Августа Уэльская (1796–1817) – супруга принца Леопольда Саксен-Кобургского, любимица всей Великобритании, безвременно погибшая в ходе тяжелых родов. Похоронена в семейной усыпальнице британских королей – в капелле Святого Георгия в Виндзорском замке. На могиле установлено красивое мраморное надгробие в виде скульптурной группы.

И не было с тех пор конца их счастью

79

I

Даже в самые лучшие времена путь от Чикаго до Блайбери в Уилтшире был неблизким, а война так и вовсе громадную пропасть между ними проложила. А потому – применительно к обстоятельствам – то, что Питер Якобсен на четвертом году войны проделал весь этот путь со Среднего Запада, чтобы проведать старинного своего друга Петертона, выглядело по меньшей мере образцом исключительной преданности, тем более что пришлось к тому же выдержать рукопашную схватку с двумя великими державами в вопросе о паспортах и, когда те были получены, подвергнуться риску, как то ни прискорбно, пропасть в пути, сделавшись жертвой всеобщего ужаса.

Потратив много времени и претерпев еще больше невзгод, Якобсен в конце концов до места добрался: пропасть между Чикаго и Блайбери была одолена. В прихожей дома Петертона сцена радушного приема разыгрывалась под потемневшими ликами на шести-семи семейных портретах кисти неизвестных мастеров восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Старый Альфред Петертон, плечи которого укрывала серая шаль (увы, ему приходилось беречься от сквозняков и простуд даже в июне), долго и с бесконечной сердечностью тряс руку гостя.

– Мальчик мой дорогой, – все повторял он, – какое же это удовольствие видеть вас. Мальчик мой дорогой...

Якобсен безвольно предоставил старику распорядиться своей рукой и терпеливо ждал.

– Мне никогда вполне не выразить своей признательности, – продолжил приветственную речь мистер Петертон, – никогда вполне не выразить вам признательность за то, что вы пошли на все эти бесконечные мытарства и прошли их, чтобы приехать и повидать дряхлого старика, ибо именно таким я и стал теперь, таков я и есть, поверьте мне.

– О, уверяю вас... – произнес Якобсен с протестующей ноткой в голосе. А про себя заметил: «*Le vieux cretin qui pleurniche*»⁸⁰. Французский – чудо какой выразительный язык, это уж точно.

– С тех пор как мы виделись в последний раз, у меня с пищеварением и с сердцем стало гораздо хуже. Впрочем, по-моему, я писал вам об этом в своих письмах.

– Действительно, писали. И мне было крайне горестно слышать такое.

– «Горестно»... что за необычный привкус у этого слова! Как чей-то чай, напоминавший бывало о вкуснейших смесях сорокалетней давности. Однако это решительно *mot juste*⁸¹. В нем четко слышится некий погребальный оттенок.

– Да, – продолжил, помолчав, мистер Петертон, – с сердцебиением у меня теперь совсем плохо. Ведь так, Марджори? – он обратился к стоявшей рядом дочери.

– У папы с сердцебиением совсем плохо, – с готовностью поддакнула та.

Как будто разговор у них шел о некоей фамильной драгоценности, давно и любовно оберегаемой.

– И пищеварение у меня... Эти физические немощи так затрудняют всяческую умственную деятельность! Все равно мне удастся делать хоть что-то полезное. Ну, об этом мы позже

⁷⁹ © Перевод. В. Мисюченко, 2019.

⁸⁰ Престарелый идиот еще и хнычет (*фр.*). – Здесь и далее примеч. пер.

⁸¹ Надлежащее слово (*фр.*).

поговорим, впрочем. Вы, должно быть, после своего путешествия здорово устали и пропылились. Я провожу вас в вашу комнату. Марджори, будь добра, попроси кого-нибудь отнести его вещи.

– Я их сам отнесу, – сказал Якобсен, поднимая с пола небольшой кожаный саквояж, оставленный им у двери.

– И это все? – поразился мистер Петертон.

– Да, это все.

Как человек, ведший жизнь на основе разумности, Якобсен противился накоплению вещей. Очень уж легко сделаться их рабом, отнюдь не их хозяином. Ему нравилось быть свободным: он умирал свои инстинкты стяжательства и ограничивал свое имущество исключительно необходимым. Для него Блайбери был таким же родным (или таким же неродным) домом, как и Пекин. Все это он мог бы разъяснить, если б захотел. Однако в данном случае утруждаться не имело смысла.

– Вот ваша скромная обитель, – произнес мистер Петертон, широко распахивая дверь, которая вела, надо отдать должное, в очень симпатичную гостевую комнату, яркую от светлой расписной ситцевой обивки и штор, свежих цветов и серебряных канделябров. – Бедновато, зато ваша собственная.

Аристократическая обходительность! Чудный старинушка! Котировка в самый раз! Якобсен разбирал свой саквояж, аккуратно и методично распределяя его содержимое по разным ящикам и полочкам в гардеробе.

Уже много-много лет минуло с тех пор, как Якобсен, совершая великое образовательное турне, попал в Оксфорд. Там он провел пару лет, поскольку место пришлось ему по вкусу, а обитатели его стали источником неизменных увеселений.

Норвежец, рожденный в Аргентине, получивший образование в Соединенных Штатах, Франции и Германии, человек без национальности и без предрассудков, набравшийся невероятного жизненного опыта, он вдруг обнаружил нечто новое, свеженькое и забавное в своих однокашниках по университету с их комичными традициями средней школы и баснословным невежеством в отношении устройства мира. Он исподтишка наблюдал за всеми их ребячливыми кривляньями, чувствуя, как разделяет их решетка из железных прутьев и что ему следовало бы после всякой особенно забавной выходки предлагать сидящим в клетке лакомство или горсть арахисовых орешков. В перерывах между посещениями этого необычного и восхитительного Jardin des Plantes⁸² он читал Великих и Мудрых, и как раз Аристотель помог ему сойтись с Альфредом Петертоном, научным сотрудником и преподавателем их колледжа.

Имя Петертона пользовалось уважением в ученом мире. Вы отыщете его на титульных листах таких достойных, если не попросту блистательных, трудов, как «Предшественники Платона», «Три шотландских метафизика», «Введение в изучение этики», «Очерки по неоиdealизму». Целый ряд его работ был издан дешевыми выпусками в качестве учебных пособий.

Между преподавателем и студентом протянулись те самые непонятные, необъяснимые дружеские узы, которые зачастую связывают самих несхожих людей, – и узы эти так и оставались нерушимыми в течение двадцати лет. Петертон испытывал к молодому человеку отеческое расположение и так же по-отечески гордился теперь тем, что Якобсен обрел мировую известность, что когда-то, как полагал старец, он способствовал его духовному становлению. И вот теперь Якобсен одолел три-четыре тысячи миль через весь охваченный войной мир, чтобы повидаться со стариком. Петертон был тронут до глубины души.

⁸² Название Зоологического (Ботанического) сада в Париже.

– Вам по пути сюда не попадались подводные лодки? – задала вопрос Марджори, когда на следующий день после завтрака они с Якобсеном прогуливались по саду.

– Ни одной не заметил, с другой стороны, я вообще на такие вещи не очень приметлив. Повисла пауза. Наконец Марджори нашла, о чем еще спросить:

– Я так полагаю, сейчас в Америке очень много делается на войну, верно?

Якобсен тоже так полагал, и в памяти его поплыли картины многочисленных оркестров, ораторов с мегафонами, патриотических транспарантов, улиц, ставших опасными из-за организованных ограблений на дорогах сборщиков пожертвований на Красный Крест. Ему было чересчур лень описывать все это, к тому же ничего она в этом не поймет.

– Мне бы хотелось суметь хоть что-нибудь сделать на войну, – пояснила Марджори, словно извиняясь. – Но приходится ухаживать за папой, а потом еще домашнее хозяйство, так что у меня, правду сказать, нет времени.

Якобсену показалось, что он уловил в ее словах формулу, предназначенную незнакомцам. Марджори явно хотела, чтобы в сознании людей мысли о ней утвердились бы ею самой. Фраза девушки о домашнем хозяйстве навеяла Якобсену воспоминание о покойной миссис Петертон, ее матери, привлекательной, мучительно бойкой женщине, страстно жаждавшей сиять в университетском обществе Оксфорда. Очень немного времени требовалось, чтобы узнать про ее родство с епископами и лучшими семействами графства, понять, что она охотится за львами духовного звания и вообще – сноб. У него на душе было спокойнее, что она умерла.

– А разве не станет ужасно, когда вообще не нужно будет ничего делать на войну? – заговорил Якобсен. – Когда наступит мир, людям просто нечего будет делать и не о чем думать.

– А я буду рада. Домашнее хозяйство вести окажется куда легче.

– Верно. Есть чем и утешиться.

Марджори настороженно глянула на гостя: она не любила, когда над нею подсмеивались. Вот ведь какой непримечательный человек! Низенький, толстенький, с навощенными каштановыми усами и лбом, который пробившаяся лысина сделала беспредельно большим. Похож на того сорта мужчин, кому говорят: «Благодарю вас, я приму банкнотами по цене фунта серебра». Под глазами у него мешки и под подбородком мешки, а по выражению лица ни за что не угадаешь, о чем он сейчас думает. Марджори радовалось, что она выше гостя ростом и могла смотреть на него сверху вниз.

Из дома вышел мистер Петертон с серой шалью на плечах и с шуршащей распахнутой «Таймс» в руках.

– Добра вам от утра и до утра, – крикнул он.

На шекспировскую сердечность этого приветствия Марджори ответила ледяным современным: «Привет». Ее отец всегда говорил: «Добра вам от утра и до утра» – вместо «Доброе утро», и всякий раз, буквально всякий день в ее жизни, это вызывало у нее неприменное раздражение.

– В сегодняшней газете интереснейшая история напечатана, – сообщил мистер Петертон. – Молодой летчик рассказывает о воздушном бое. – И, пока они прохаживались взад-вперед по усыпанной гравием дорожке, прочел статью, занявшую на странице целых полторы колонки.

Марджори даже не пыталась скрывать охватившую ее скуку и развлекалась тем, что вычитывала что-то на обратной стороне газетного листа, по-журавлиному вытянув и изогнув шею.

– Очень интересно, – произнес Якобсен, когда чтение закончилось.

Мистер Петертон меж тем перевернул страницу и просматривал хронику и объявления.

– Смотри-ка, – сказал он, – некто по имени Берил Кемберли-Белчер собирается жениться. Не знаешь, Марджори, он не родственник Говарду Кемберли-Белчеру?

– Я понятия не имею, кто такой Говард Кемберли-Белчер, – довольно резко ответила Марджори.

– А-а, я думал, ты знаешь. Позвольте-ка. Говард Кемберли-Белчер учился со мной в колледже. И у него был брат по имени Джеймс... или Уильям?.. а еще сестра, которая вышла замуж за одного из Райдерсов или, во всяком случае, за родственника Райдерсов, ведь я же знаю, что Кемберли-Белчеры и Райдерсы где-то смыкались. Силы небесные, боюсь, память на имена изменяет мне.

Марджори прошла в дом выработать с кухаркой стратегию домашних дел на сегодня. Когда с этим было покончено, она удалилась к себе в гостиную, где отперла ящик с самыми потаенными секретами. Нынче утром она должна написать Гаю. Гая Ламбурна Марджори знала уже много-много лет, почти столько же, сколько себя помнит. Семейство Ламбурнов состояло в старинной дружбе с семейством Петертонов: на самом деле они даже в родстве состояли, правда, в отдаленном, как выразался мистер Петертон, они «где-то смыкались» – где-то поколения два назад. Марджори была двумя годами моложе Гая, оба были единственными детьми, и обстоятельства, естественно, то и дело сводили их вместе. Потом отец Гая умер, а вскоре за ним – и его мать, так что в возрасте семнадцати лет Гай, по сути, стал жить у Петертонов, поскольку старик был его опекуном. Теперь же они уже и помолвлены, то есть были более или менее помолвлены с первого года войны.

Марджори достала перо, чернила, бумагу. «Дорогой Гай!» – начала она... («А мы не сентиментальны», – как-то с пренебрежением, замешенным на тайной зависти, заметила она подружке, которая призналась ей наедине, что они с женихом никогда не обращаются в письмах друг к другу иначе как «милая», «милый», а то и еще ласковее.)... – «С нетерпением жду твоего очередного письма...» – И составила обычный утомительный перечень из нетерпений и ожиданий. – «Вчера у папы был день рождения, ему исполнилось шестьдесят пять. Мне даже подумать страшно, что когда-нибудь и мы с тобой будем такими же старыми. Тетя Эллен прислала ему стилтонского сыру⁸³ – полезный подарок в военное время. До чего ж скучно заниматься домашним хозяйством! При мысли о сырах у меня мозги быстренько превращаются в один из них – Gruyère⁸⁴, – в котором и сыра-то нет, одни только дырки, наполненные пустотой...»

Правду сказать, она не очень-то против домашних дел. Ведение хозяйства воспринималось как само собой разумеющееся, и занималась она им просто потому, что кто-то им должен был заниматься. Гай, тот наоборот – ничего не принимал как само собой разумеющееся, так что все ее показное недовольство – это в его честь.

«Я прочла письма Китса, как ты советовал, и подумала, что они *слишком* великолепны...»

В конце страницы восторгов рука с пером замерла. О чем еще сказать? Ведь это же бессмыслица – писать письма о книгах, которые ты читаешь. Только больше писать было не о чем: ничего больше не случалось. Вот если разобраться, что случилось в ее жизни? То, как мама умирала, а ей было тогда шестнадцать; еще волнения оттого, что Гай переезжает к ним жить; еще война, только это для нее значило не много; еще Гай влюбился и они обручились. Вот, правду сказать, и все. Жаль, не дано ей написать о своих чувствах так же точно и замысловато, как выражаются герои романов... впрочем, если уж на то пошло, похоже, и нет у нее никаких чувств, достойных описания.

Она взглянула на последнее письмо Гая, пришедшее из Франции. «Иногда, – написал он, – меня мучает нестерпимое физическое желание обладать тобой. Не могу ни о чем другом думать, кроме как о твоей красоте, твоём юном, сильном теле. Мне ненавистно это, прихо-

⁸³ Стилтонский сыр – известный сорт (пикантный голубой, с прожилками плесени), производился в городке Стилтон графства Хантингдоншир, высоко ценился любителями.

⁸⁴ Грюйер – сорт высококачественного швейцарского твердого сыра.

дится бороться, чтобы подавить эту муку. Ты меня прощаешь?» Все же трепет берет оттого, что он способен такое чувствовать к ней: он всегда был так холоден, так сдержан, так противился сентиментальности: поцелуям, ласкам, которые ей, наверное, втайне понравились бы. Впрочем, он, похоже, был совершенно прав, когда сказал: «Мы должны любить, как существа разумные, – своим умом, а не руками да губами». И все равно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.